

СЕРИЯ «ЧЕШИРСКИЙ КОТ» ПРЕМИИ-МЕДАЛИ ИМ. ЛЬЮИСА КЭРРОЛЛА
И КОНВЕНТ «РОСКОН» ПРЕДСТАВЛЯЮТ АВТОРА

ДМИТРИЙ ТАЛАНОВ

НОВЫЙ СВЕТ.
ХРОНИКИ

ШКОЛЯР

КНИГА ВТОРАЯ

Чеширский кот

Дмитрий Таланов

Школяр

«ИП Березина Г.Н.»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Таланов Д. В.

Школяр / Д. В. Таланов — «ИП Березина Г.Н.»,
2020 — (Чеширский кот)

ISBN 978-5-907350-28-1

Боевые действия и придворные интриги – хорошая, но недостаточная школа жизни, и тринадцатилетнего Филья посылают учиться в Алексу – высшую школу в глубине лесов на окраине империи. Грозная тюрьма, волею императора поменявшая специализацию, таит в себе немало загадок и ловушек, мимо которых Филь не может пройти. Талант находить себе приключения обеспечивает ему и его новым друзьям обучение по расширенной программе. Оценив результаты обучения, император предлагает Филью дело, в котором юный выпускник сможет реализоваться наилучшим образом. Для среднего и старшего школьного возраста.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-907350-28-1

© Таланов Д. В., 2020
© ИП Березина Г.Н., 2020

Содержание

1	9
2	19
3	29
4	40
5	49
6	58
7	67
8	74
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Дмитрий Таланов Школяр

Дмитрий Таланов – российский писатель, инженер-электрик и руководитель проектов. Не изменяя полученной им в 1986 г. специализации в НЭТИ (ныне НГТУ), он успел поработать в восьми странах, получив бесценный опыт выживания в разных культурах, включая англосаксонскую и арабскую, плюс множество переломанных, хотя и удачно сросшихся костей. Накопленные впечатления в какой-то момент преобразовались в серию книг в жанре фэнтези «Новый Свет. Хроники».

Долгая дорога познания

Дождались – перед нами продолжение цикла Дмитрия Таланова. И если вы читали первую книгу (кто не читал – необходимо срочно прочитать!), то помните, какой вердикт вынес Император для Филя. Правильно, он отправил его в Алексу, и хорошо, что к тому времени она

поменяла свою функцию и из тюрьмы превратилась в учебное заведение. Да, Флав решил, что образование крайне необходимо для такого сорванца, как Филь.

Читатель, знакомый с первой книгой, с главным героем и его друзьями, уже может начинать переживать за психическое здоровье преподавателей, да и за само здание Алексы тоже, учитывая судьбу, которая постигла замок Хальмстем. И окажется прав: ведь в центре внимания у нас снова юный возмутитель спокойствия – Филь Фе, мальчик, попавший в Новый свет во время шторма, унёсшего жизнь его отца. Теперь он не сирота, а с гордостью носит фамилию Фе – и не только носит, а как представитель мужской части этой семьи заботится о ней, как может. Но сейчас Филь оторван от привычной обстановки и помещён в учебное заведение. Да, именно учебное, и здесь надо учиться, ведь за провинность можно попасть на мытьё посуды или, что самое страшное, быть отчисленным.

Казалось бы, в таких условиях Филь должен переключить свою энергию только на учёбу, но нет: его смекалку, наблюдательность, острый ум и предпринимательскую жилку невозможно долго удержать в узких поведенческих рамках. И как ни странно, эти же качества позволяют ему неплохо учиться и достигнуть успеха во многих науках. Ведь школа Алекса – это не привычная нам по стандартным фэнтезийным романам школа магии, где учат заклинания; Алекса – это серьёзное научно-исследовательское учреждение. Да, в том мире, похожем на Средневековье, и такое возможно. Здесь и ученики, и преподаватели ищут ответы на сложные научные вопросы – и находят! Иногда эти знания способны поставить под угрозу весь Новый свет, поэтому в подобных случаях быстро принимают необходимые меры: исследования прекращают, материалы уничтожают, а со всех свидетелей берут клятву молчания. Но возможность найти что-то опасное или страшное – вовсе не повод прекращать поиски, и поиски продолжаются.

В этих поисках, не только научных, но и личностных, Филью помогают друзья – и старые, которых мы помним по первой книге, и новые, которых он приобрёл в школе. На примере всей этой компании – умной, шумной и весёлой – автор показал очередной этап в жизни мальчика: этап взросления, превращения подростка в юношу. Тут и отношения с друзьями, первая влюблённость, поиск себя, принятие ответственности – и выбор. Филь начинает понимать, что время детских поступков прошло, шалости превращаются в ошибки, а когда ошибается взрослый, то ему приходится нести взрослую ответственность. Если за проступок в детстве можно было отделаться подзатыльником, то теперь необдуманное действие может привести к чьей-то гибели.

Да, такому сорванцу, как Филь, приходится повзрослеть, научиться делать выбор и принимать взрослые взвешенные решения. К несчастью, опыт не приходит без боли, и одним из таких «учителей» для Филья стал знакомый нам по первой книге нергал – едва ли не самый могущественный и опасный демон по имени Набезан. Он обладает многими умениями: убивать, выживать, беречь и добывать знания, понимать людей и обманывать их. Его сила велика – возможно, слишком. Как сказано в книге: «Временами ему даже делалось скучно оттого, что он наперед знал, какая последует реакция. Иногда ему хотелось встретиться лицом к лицу с тем, чьи поступки он не смог бы предугадать».

Почему их, человека и демона, свела судьба? Может, из-за того, что они похожи? Две сильные личности, два лидера, две стороны одной медали. После происшествия в Алексе (спойлера не будет) тот исчез, а Филь получил прозвище Палач демонов. Их пути разошлись, но это ненадолго, и, скорее всего, они встретятся снова. Ведь Филь для Набезана если не тот самый долгожданный достойный противник, то что-то к этому близкое. Да и наш герой не собирается сидеть и ждать у моря погоды: у него впереди долгий путь на родину, в Старый свет. Долгая дорога познания мира и самого себя.

И кто знает, может быть, там, в пути, он отыщет себя, поймёт или убьёт демона. Нергала или – своего внутреннего.

Кто знает?..

*Борис Долинго,
Председатель оргкомитета фестиваля фантастики «Аэлита»; Член
Интернационального Союза писателей, драматургов и журналистов; Член
Союза писателей России*

1

Просуществовав три года, Лаборатория «Алекса» не оставила после себя и клочка бумаги в результате известных событий, оказавшись самой дорогой затеей тех лет. Но при взгляде из сегодняшнего далека видно, что она окупилась. Хотя едва ли её создатель предвидел, как отзовется в веках его решение превратить страшную тюрьму в первое высшее учебное заведение. И сейчас мало кто понимает, что настоящими причинами основания Лаборатории явились раздражение и скука императора, которому просто было не с кем спорить на равных... «История Второй Империи», 19-е издание, Анастасийская Центральная библиотека

– Филь! Фи-и-иль!

Ни звука в ответ.

– Странно, только что был здесь! Филь, ты где?

Меттина Хозек огляделась – в комнате не было ни души. Как всегда, по окончании лекции учеников смыло будто волной. Девушка подумала, что Филь успел выбежать с остальными, но тут она заметила ботинки, торчавшие из-под учительского стола. Присев на корточки, она увидела их владельца.

– Филь, – проговорила она изумлённо.

– Тсс! – раздалось в ответ предостерегающее шипение. Взъерошенный от волнения Филь сжимал в руках Арпонис, нацеленный на вентиляционную отдушину, за решёткой которой находились владения профессора Иеронима Фабрициуса, доктора медицины. Профессор был родом из Фландрии, привезённым в Новый Свет сиротой. Он был крепко сложен, вид имел простой, нос картошкой, а руки большие.

– Мета, лезь сюда, – прошептал Филь, оглядываясь через плечо. – Я думал, мне это чудится, но сегодня я его поймал!

– Кого, Схизматика?

Девушка присоединилась к нему, и Филь почтительно подвинулся. Из зарешеченной отдушины перед ними пробивался слабый свет и слышался голос профессора, который распевал какой-то гимн. Это было непохоже на Фабрициуса – высокий и сутулый, он основательно ступал и так же основательно разговаривал. Стригся он всегда под горшок и ходил в том же платье, что и ученики Алексы, экономя на одежде. Сестра Меты, Анна, наградила его прозвищем Схизматик за полное отсутствие интереса к своему виду и такое же отсутствие воображения в любой области, кроме медицины.

Рубиновые глаза собаки на набалдашнике жезла тускло светились. Эти глаза-кристаллы носили название «Око Одина» и могли светиться, только если рядом находился демон. Демонов у Алексы ещё не встречали, но всё происходит когда-то в первый раз.

Мета толкнула Филью в плечо, показывая, что надо поднимать тревогу. Тот в ответ поводит у неё перед носом указательным пальцем, затем ткнул им в отдушину. Отказываясь верить, Мета выдохнула:

– Профессор?

Филь кивнул и в доказательство вдавил палец в плоскую фигурку на орнаменте жезла, напоминавшую верёвочную петлю с перекрещенными концами. Мета хотела его остановить, но не успела, а за стеной лаборатории раздался звон разбившегося стекла.

За решёткой отдушины мелькнули полы плаща, и знакомый взгляд профессора встретился с серыми глазами виновника. Филь вскинулся, приложившись макушкой к столешнице.

– С-сатана! – выругался он.

Быстро выбравшись из-под стола, он помог вылезти Мете. Судя по её виду ругань она не одобрила, но Филь в глубине души считал, что она притворяется. Он не понимал, как ей удалось вырасти такой вежливой в семье Хозеков между братом Яном, не лавшим за словом в карман, и скромной на вид Анной, обладавшей способностью раздавать ярлыки, насмерть прилипавшие к человеку.

Они выскочили на улицу, надеясь, что успеют удрать, и увидели спину профессора, удалявшегося от них быстрым шагом. Школяры удивлённо переглянулись: как этому флегматику удалось их обставить и почему он даже не попытался их поймать?

Филь нацелил Арпонис в спину профессора. Рубиновые глаза опять засветились и не потухли, когда жезл оказался направлен на дверь медицинской лаборатории. Удивлённый Филь дёрнул за ручку, но дверь не поддавалась.

– Ахинея голубая, – пробормотал он, бессмысленно глядя перед собой.

Мета продолжала смотреть вслед профессору.

– Скажи, что мне это не кажется! – взмолился Филь.

– Не кажется, – эхом отозвалась она. – Я думаю, нам надо будет вернуться сюда. Всей компанией, после ужина, а то сейчас колокол прозвонит. Ты с Яном пойдёшь вперёд, а мы следом, чтобы не возбуждать подозрений.

Не успела она договорить, как под стылým темнеющим небом разнёсся гулкий удар колокола, созывая на вечернюю трапезу.

Бывшая государственная тюрьма «Алекса», которую император Флав очистил от узников и переименовал в Лабораторию, располагалась на обширном холме, возвышаясь над окружающим лесом. Её стены представляли собой забор из гигантских почерневших брёвен, вертикально врытых плотно друг к другу и политых особым составом, который превращал дерево в камень. По этой технологии были также сделаны дороги в столице Империи, поразившие когда-то Филя. И точно так же были сделаны все прочие строения на территории Алексы, кроме Сигнальной башни, сложенной из настоящего камня, в которой располагался птичник с небольшим количеством почтовых голубей.

Столица Империи Кейплиг находилась в пяти днях пути отсюда, длинного пути по сплошному лесу, вдаль от каких бы то ни было городов и деревень, за исключением крошечной деревушки, приютившейся у подножия холма. Два месяца назад Филь проделал этот путь с Габриэль, своей названной сестрой, ещё не зная, что жизнь здесь окажется куда увлекательней, чем любой год из тринадцати с половиной лет, которые он прожил. Правда, Габриэль говорила, что ей куда больше нравилось в столице, но это пока она не познакомилась с игрой Юка, зародившейся здесь много лет назад среди узников.

Игра получила название от растущего за забором Алексы растения под названием юка, которое представляло собой полый шар, в зрелом состоянии – чёрного цвета. Это было единственное в Империи растение демонов и, как таковое, было способно разбудить к жизни Арпонис. Стоило направить жезл на юку и надавить на «петлю», как шар и жезл оказывались связаны друг с другом невидимой нитью. Требовалось только смотреть, чтобы не ухватить старую юку, с белым пухом на макушке, – такой шар мог раздуться и утащить в небо.

Этой особенностью юки много раз пытались воспользоваться узники Алексы, чтобы сбежать, однако наведённый на растение второй Арпонис прерывал попытку. Под двумя лучами юка быстро раздувалась и лопалась, сбрасывая беглеца на землю. Так родилась игра, за которую, как считал Филь, можно было смириться даже с существованием в этом мире демонов.

Филь благодарил богов также за то, что в Алексе кормили, как он никогда не ел. Простая однообразная пища, которую он потреблял первые десять лет жизни, ходя с отцом купцом по морям, не шла ни в какое сравнение с местной. Воистину, на императора Флава снизошло просветление в день, когда он упёк Филья в Алексу!

Поварята здесь были из местных, а поваром служил бывший заключённый, который не захотел отсюда уезжать. Сегодня он радовал искусством приготовления свежезабитой свинины.

Трапезная была полна народу. На длинных лавках за пятью столами, по количеству кафедр, разместилась сотня школяров. Шестой стол, учительский, находился у дальней стены. Высокое помещение освещали две дюжины факелов. Пожара не боялись, потому что пламя не брало эти стены из окаменелого дерева, тут требовался огонь пожарче.

Филью удалось воспламенить кусок такого дерева лишь добела раскалённым в горне железным прутом.

В трапезной стояли шум и гам. Филь с Метой разделились, направляясь каждый к своему столу. Филь плюхнулся на лавку рядом с Яном Хозеком. Мета подседа к Анне.

Ян, Мета и Анна являлись близнецами, во что Филь отказывался верить, пока не узнал, что они родились у своей матери после лечения её от бесплодия у таинственных знахарей. Она умерла родами, так же как мать Филья.

Черноглазый и черноволосый Ян смахивал повадками на принца, и казалось, в мире не существует ничего, что может надолго вывести его из себя. Он умел свистеть, подражая птицам, а смеялся резко и отрывисто. Невысокая хрупкая Мета, с прямыми каштановыми волосами и красивыми зелеными глазами, смеялась редко. Большую часть времени она вела себя сдержанно и серьёзно. Невзрачная Анна с жидкими светлыми волосами вовсе не смеялась, и было похоже, что не умеет, но попадаться ей на язык не стоило. Её на самом деле звали Анастасия, но она сердилась на это имя и настойчиво звалась Анной.

Причина, по которой Филь с Яном и Мета с Анной сидели за разными столами, находилась на другой стороне трапезной, за учительским столом, и звалась профессор Лонерган. Профессор был доктором натуральной философии и преподавал естественные науки. Своим видом он напоминал грифа-переростка, потому что был смуглолицый, широкоплечий и с седой головой. Профессор считал женскую половину человечества неспособной к восприятию естественных наук, поэтому наотрез отказался зачислить Мету с Анной в свою группу. По Алексе ходили упорные слухи, возможно пущенные ученицами, что профессору не везло в личной жизни и что он был дважды женат.

Рядом с профессором Лонерганом восседал ректор Алексы – профессор Като Иллуги. Анна Хозек на второй день наградила его прозвищем Тривиум. За исключением всегда чистого и отглаженного платья, профессор Иллуги не отличался ничем. Характер его был спокойный, как море в мертвом штале, а речь ровная и заунывная. Преподавал он геометрию и алгебру – самые ненавистные дисциплины.

По другую сторону от профессора Лонергана сидел Роланд ван де Вийвер, двадцатипятилетний голландец. Он просил называть его просто Роландом, но за глаза его называли Патиосоц. Он преподавал мораль, этику, закон и право, но не столько преподавал, сколько высмеивал взгляды других. Признавая за собой мерзкий характер, он не уставал рассказывать, что едва ему исполнилось три года, как его многочисленные братья в Старом Свете стали умолять, чтобы он сбежал из дому. И он сбежал, проследив за одним из караванов и проскочив следом за ним во Врата.

Последним за столом сидел грузный отец Бруно. Это был сбежавший из Старого Света монах-францисканец, настолько умный, что его разрешение на поселение подписал лично император Флав. Отец Бруно преподавал историю Нового Света, но он плохо знал её и потому постоянно сбивался на историю Старого. Причиной его побега стала написанная им книга, вызвавшая бурю страстей в Старом Свете. Отец Бруно говорил, что его много раз пытались отравить, и поэтому он вынужден пить исключительно вино, и только то, которое делает сам. Профессора Фабрициуса в трапезной не было.

Перед Фильем на глиняном блюде, переливаясь золотом, исходила паром свежепожаренная свинина, которая ещё этим утром хрюкала. Лёжа среди россыпей колечек зелёного лука, она источала запахи нежнейшего мяса и сала. Тут же стояла пареная репа, улыбаясь разломами желтоватой рассыпчатой середины, подмигивая растаявшими лужицами масла. Филь осознал, что хочет есть – аж зубы скрипят.

Волей богов став сиротой и оказавшись принятым в семью Фе, он три года тосковал по пище, которая бы нравилась и которую было бы не страшно есть, ибо всем понятно, из чего она сделана. И вот перед ним наконец не декоративные изыски Фе, а настоящая еда. Филь вооружился ломтём хлеба и, обжигаясь от восторга, положил в рот кусок мяса с хрустящей, отдающей дымком корочкой.

Аромат кружил ему голову, от вкуса жмурились глаза. Он ел быстро, не беспокоясь о манерах. Мета при случае делала ему замечания, но она сидела сзади. Ян никогда не позволял себе такого. А самое главное, здесь не было г-жи Фе, перед которой Филь до сих пор трепетал: уж очень она была безупречна и строга.

По трапезной носилось эхо разговоров, смеха, стука ножей и вилок. Как следует насытившись, Филь откинулся от стола и полусонно огляделся. Сидевший слева от него неуклюжий Лофтус Лиссак, по прозвищу Ляпсус за талант ронять всё, что попадает ему в руки, печально разглядывал исчерканный лист бумаги, внизу которого стояла закорючка профессора ван де Вийвера. Рыжий мосластый Том Рафтер напротив занимался тем же. Из кармана Яна справа высовывался такой же лист. Видимо, профессор Роланд раздал перед ужином проверенные работы – у него была привычка делать это перед самой едой, чтобы, как он выражался, взбудить аппетит учеников.

Филь поискал глазами свою работу. Письмо было по дисциплине, по которой он не успевал, и его дух заранее погрузился в тоску.

– А где моя? – спросил он у Яна.

Тот подцепил вилок последний кусочек мяса, прожевал его, скрестил вилку с ножом на тарелке, вытер губы салфеткой и только потом ответил:

– Ты сидишь на ней.

Филь не раз испытывал желание треснуть нового друга за подобные выходки и сейчас еле сдержался. Правда, злость на Яна в такие моменты с лихвой покрывалась удовольствием от наблюдения за ним, когда он проделывал это с другими.

– Чёртов аристократ, – пробормотал Филь, выдёргивая из-под себя сочинение, на которое, не заметив, плюхнулся, оглушённый запахами. Увидев результат, он воскликнул с отчаянием: – Слушай, я опять вышел у него дубиной!

У профессора Роланда была собственная система выставления оценок, по которой провал обозначался как «дундук», неполный провал – «дубина», сдавший со скрипом – «замшелая колода», подающий надежды – «свежий пень», а высшей оценкой был «цельный дуб». Сонливость с Филью как водой смыло: это был уже четвёртый полученный им неуд от профессора.

– Как это «опять»? – удивился Ян. – А ну, дай взглянуть! Филь сунул ему работу. Пробежав её глазами, Ян скривился.

– Ну, справедливости ради, ты таки «дундук», – бросил он раздражённо. – Патиосоц тебя ещё пожалел!

Круглое скуластое лицо Филью залилось краской.

– Что значит «пожалел»? За что он меня пожалел? – воскликнул он с обидой.

– За употребление слов, которых не понимаешь, – сухо пояснил Ян. – Он же объяснял, что, пока мы не научимся корректно употреблять слова, он не перейдёт к основным законам. Так и будем писать для него сказки изо дня в день.

Филь знал, что Ян злится, потому что он тянет всех назад, и пуще покраснел. Ян тем временем с выражением процитировал:

– «Госпожа Фе завела пять детей и постоянно их выращивала...» Ты зря здесь остановился, стоило дописать: «...а также поливала, удобряла и вскапывала...» По меньшей мере сохранил бы логику повествования!

Филь вздохнул: этот аристократ, получивший образование у частных учителей, опять оказался прав. Ян был старше Филью более чем на год и оттого более образованным. Зато никто из Хозеков не умел всего того, чему Филью научился за свою жизнь. Сын удачливого торговца-аскемана из Неаполя, он легко считал в уме, знал обычные и звёздные карты и мог проложить курс кораблю. А потратив больше года в Хальмстеме, он с помощью тамошнего кузнеца научился ковать и варить металл.

– «Было утро, в комнату с тяжестью пробивались лучи солнца...» – продолжал Ян.

Его дальний родственник Фристл Бристо, жизнерадостный полный юноша с улыбочивым лицом, раскатисто рассмеялся и, выходя из-за стола, покровительственно хлопнул Филью по плечу.

– Тяжёлыми ударами топора они туда пробивались, я так понимаю, – бросил он снисходительно на ходу.

Этого Филью не выдержал.

– Я всё понял, хватит! – воскликнул он, вскакивая на ноги. Забрав своё сочинение у Яна, он сказал тише: – Давай лучше займёмся делом...

Его друг успел за два месяца усвоить, что под «делом» Филью обычно имел в виду какую-нибудь проделку, так что согласно двинул бровью, и они направились к выходу, лавируя в толпе школяров, покидающих трапезную.

Их обогнала стайка девиц, коих в Алексе набиралась треть от общего количества учащихся. За ними вышагивала матрона, чьи безжалостно стянутые в узел волосы разделял прямой, как стрела, пробор. Это была Багила, жена главного повара, нанятая для присмотра за девицами и получившая от них прозвище мадам Гарпия.

Ян придержал Филью, давая пройти румяной ученице с разноцветными лентами в волосах. Габриэль – это была она – громко жаловалась своей подруге:

– Так рано приходится вставать, просто каторга, даже морщинка появилась на лбу! Эх, сдала я молодость в архив!

Проходя мимо, она наградила Яна неприязненным взглядом. Филь видел, что Габриэль, как обычно, рисуется, ведь такой гривы волнистых чёрных волос и ясных глазниц здесь не было ни у кого. Ровесница Филья, она, как и он, не могла долго усидеть на одном месте, а если её вынуждали, становилась раздражённой. Профессор Иллуги, подметив это, заставил свою группу принять Габриэль в игровую команду, чем вызвал бурю возмущений среди её абсолютно мужского состава. А потом бурю восторгов, когда Габриэль показала, насколько она быстрая и ловкая.

– Когда имеешь дело с жалящим насекомым, двигайся медленно, – сказал Ян, глядя ей в спину.

Филь знал, что Габриэль и его новые друзья не переваривают друг друга, но сравнение с насекомым было для него чересчур.

– Чем она тебе досадила? – спросил он.

– Поинтересуйся у Анны, – скупо ответил Ян.

Зима быстро надвигалась на Алексу. В Хальмстеме ещё можно было купаться в море при большом желании, а тут под ногами уже поскрипывал тонкий снежок. После ужина тоже было некуда выйти, потому что начинало рано темнеть, а находиться на улице после наступления темноты запрещалось правилами. В наказание заставляли мыть кухонную посуду. Раз попавшись, Филь теперь всеми силами избегал этого.

Единственное место, куда можно было ходить, это трапезная, в которой на ночь водружали на столы котлы с мочёными яблоками и хлебом для внезапно проголодавшихся учеников. Трапезная находилась у Башенной площади и от дормиториев её отделяли две минуты ходьбы. В Алексе была ещё одна площадь, на въезде, называвшаяся площадь Обречённых.

– Мои сестры знают о твоём деле? – спросил Ян, едва друзья оказались на улице. Ещё не было случая, чтобы он прямо спросил, что Филь задумал.

– Мета знает, – ответил Филь и в двух словах поведал, на что они наткнулись.

Ян сложил губы, словно собирался свистнуть, но передумал. Привлекать внимание было неразумно: пока они ужинали, наступили сумерки, на дверях дормиториев уже горели масляные лампы. Ян с Филем ещё могли сойти за увлечшихся разговором, но действовать нужно было быстро, учитывая, что Первая Медицинская лаборатория находилась далеко в переулке Висельников. Дрожа от холода, друзья поспешили в сгущающуюся темноту.

Общие правила Лаборатории «Алекса», её распорядок дня и расположение корпусов составил лично император Флав, который, судя по всему, не очень хорошо знал бывшую тюрьму. Он поместил лаборатории в противоположной стороне от лекционных залов, а короткий путь от них до дормиториев оказался отрезан профессорским жильём. Как результат, школярам Алексы приходилось каждый день «наматывать» мили на ногах. А вечная нехватка времени вынуждала их заменять ходьбу бегом.

– Значит, вы посчитали, что профессора обуял демон? – вдумчиво проговорил Ян, когда они свернули с широкой улицы в тёмный переулок. – Непонятно, где он его подцепил, здесь они не водятся. Демоны – не большие любители холода.

– Зато Схизматик единственный, кто опоздал к началу учебного года, – напомнил Филь.

В следующую секунду они вжались в стену лаборатории естествознания, заслышав неподалёку стук колотушки обходчиков, которых нанимали на службу в соседней деревне. Стук медленно удалялся.

– Да, но тогда которого из них? – спросил Ян, когда они тронулись дальше. – Единственный вид, способный на такое, это велара, но Арпонис обычно не реагирует на неё, пока она в человеке. Сомнительно мне это!

Велара являлась отродьем, способным поработить человека, если дать ей шанс забраться в него. Выглядела она как тень со щупальцами, но легко отгонялась, если её не бояться. В Новом Свете её сравнивали с проказой – смертельной болезнью, которую, однако, было нелегко подцепить.

Дверь во Вторую Медицинскую была не заперта. Все «вторые» лаборатории Алексы были отданы во власть учеников и никогда не закрывались. Любой, кому требовалось освежить что-нибудь в знаниях, мог в течение дня заскочить туда. А вот в «первые» лаборатории ученики имели право совать нос только в сопровождении преподавателя.

Филь, однако, знал, как проникнуть из Второй в Первую Медицинскую. В конце сентября, когда он уронил на себя полку с заспиртованными экспонатами, Схизматик оставил его во Второй на всю ночь наводить порядок. Это могло оказаться скучной ночью, если бы Филь, закончив восстанавливать урон и умирая от безделья, не решил обследовать стены. И за огромным пергаментным плакатом с названиями на латыни органов человека он обнаружил потайную дверь. Эта дверь закрывалась изнутри Первой лаборатории на крючок, который ничего не стоило откинуть изнутри Второй сложенным листом бумаги.

В помещении Второй было темно, как в могиле. Споткнувшись об один из многочисленных табуретов, Филь очистил себе дорогу и нащупал на подоконнике кусок габуры – особой смолы, которую стоило помять – и она начинала светиться. В её неверном свете Филь достал из кармана Арпонис и направил жезл на стену, за которой находилась Первая лаборатория. Рубиновые глаза на набалдашнике жезла засветились.

Ян воскликнул поражённо:

– Яри-яро, я не верю глазам! Он что, укрывает там живых демонов?

«Яри-яро» являлось распространённым среди Хозеков ругательством, обозначавшим «чтоб тебя!».

Входная дверь скрипнула, и в комнату шагнули Мета с Анной. Откинув запорошенные снегом капюшоны, они с интересом огляделись.

– Давайте быстрее, пока Гарпия проведывает мужа, – сказала Мета. – А то нам опять потом взбираться по простыне.

Мадам Гарпия считала своим долгом устраивать себе ночное ложе у порога в девичий дормиторий. Филь поспешно отодвинул плакат в сторону.

– Эта часть меня нисколько не пугает, – рассеянно проговорила Анна. – Куда страшнее, если сестра Филья будет спать и проснётся. Тогда мы к утру обе станем синими, как прошлогодние куры.

В Алексе мальчиков селили в комнатах по двое, а девиц по четыре, и Габриэль посчастливилось оказаться в одной комнате с Метой и Анной. Четвёртой была Палетта Кассини, подруга Габриэль.

Распахнув потайную дверь, Филь обернулся:

– Чем она вам всё же так досадила?

– Разговаривает без умолку, – сказала Мета. – У меня голова от неё болит.

Они вошли в святая святых Схизматика. Ничего нового здесь не появилось с момента их последних занятий, кроме потрёпанной книги с выпадающими листами, приютившейся на краю просторного стола, уставленного химической посудой. Стол окружали обшарпанные табуреты, такие же, как в соседней комнате.

В стоявшем в углу корыте валялись испорченные школярами крысы. Крыс поставляло кошачье семейство, проживавшее на конюшне. Пять тамошних кошек отличались злым нравом, не подпуская к себе никого. Зато их не требовалось кормить, пока в Алексе водились мыши. От такой диеты шерсть у кошек сделалась невиданной густоты, переливалась искрами на свету. Крыс кошки не ели, а оставляли лежать на видном месте со свёрнутой шеей.

Ян забрал у Филя гамур, заинтересовавшись распадающимся фолиантом. Филь с Метой и Анной пошли по лаборатории, заглядывая в шкафы. Собачьи глаза на жезле сделались ярче, и, умирая от любопытства разгадать, что Схизматик тут прячет, Филь стал тыкать Арпонисом во внутренности каждого шкафа, который Мета открывала перед ним. Только Анну здесь ничего, казалось, не интересовало.

– Если бы Габриэль не болтала сутками, будто боится, что у неё во рту завоняет, – не унималась она, – ей не пришлось бы подсакивать ни свет ни заря, чтобы успеть доделать задания. Которые, хочу заметить, она также учит вслух.

– А ты ей говорила об этом? – спросил Филь.

Они нашли, что искали: у очередного шкафа собачьи глаза стали ярче.

– Именно это я и сказала, – хмуро произнесла Анна. – Слово в слово.

– А она?

– А она треснула меня и зверски ущипнула!

Если Анна сказала такое, Филь не удивило, что Габриэль её треснула. Болтушка и добрая душа, Габриэль могла чувствительно приложить за нанесённую обиду. Но в Алексее за драки бросали в каменный колодец на задах конюшни, а в последнее время здесь так подморозило, что Филь не хотел увидеть в нём никого из своих друзей и родственников.

– Не будь она твоей сестрой, мы бы давно научили её вести себя прилично, без членовредительства, конечно, – угрюмо произнесла Анна. – Уж я бы придумала как!

Мета указующе вытянула палец – банки с растворами на верхней полке шкафа казались подсвеченными изнутри. Филь направил на них Арпонис – «глаза Одина» покраснели. Анна придвинулась ближе.

– Оч-чень интересно, – озадаченно бросила она и, достав из кармана свой жезл, тоже направила его на банки. – Почему мой почти не светит?

Оставив фолиант в покое, Ян присоединился к ним.

– У Филь старый сердарский жезл, – сказал он. – Говорят, они чувствительней.

Ян привстал на цыпочки и пошуровал на полке за банками.

– Тут что-то есть! – Он стянул с полки стеклянный фиал с притёртой пробкой. В него была налита мутная жидкость, светящаяся как огоньки на болоте.

Ян взялся за пробку, но Мета остановила его:

– погоди! Филь, нажми-ка сначала на «стрелка».

«Стрелком» на орнаменте Арпониса называлась плоская фигурка человечка, изготовившегося стрелять из лука. Она предназначалась для отпугивания демонов и срабатывала только поблизости от них. Также «стрелком» пользовались, чтобы выявить прячущегося демона или запульить от себя юку.

Слабый белёсый свет ударил из жезла, когда Филь положил палец на фигурку, и фиал превратился в шевелящуюся чёрную звезду. Ян выронил фиал, Мета едва успела подхватить его. Все трое в испуге переглянулись – они чуть было не попали в неприятность.

Наблюдая за ними, Анна сморщила нос:

– Что ж, эксперимент прошёл удачно, мне лично всё ясно! Предлагаю удалиться, оставив Схизматика в покое, никакой он не демон. Другой такой сосуд, по-видимому, лежал у него в кармане, когда он покидал лабораторию. А в сосуде, скорее всего, вытяжка из тела какого-нибудь скучного демона. Коих, как мы знаем, насчитывается около двадцати видов. Случай закрыт... В Алексее, как всегда, не происходит ничего интересного!

Пока она говорила, Ян водрузил фиал на место, задвинул его банками и закрыл шкаф. Затем они бесшумно проскользнули во Вторую лабораторию. Выбравшись из-под плаката, Филь увидел, что его друг стоит в ожидании и словно ломает над чем-то голову.

– А зачем ему держать под руками сердарские пыточные записи? – спросил Ян. – Те самые, которые лежат у него на столе.

– Что? – удивилась Мета.

Анна вытаращила на брата глаза. Тут входная дверь отворилась и через порог шагнул обутый в лапти конопатый парень. Его грязные льняные волосы торчали во все стороны. На плечах его висел не по размеру короткий ученический плащ, в руке была зажата колотушка обходчика.

– Чевой-то вы тут делаете в темноте? – с подозрением проговорил он. Разглядев ученическую форму, он поучительно добавил: – Беда с вами... Ну сколько можно учиться? А ну, живо бегите по вашим дорме... дорми... спать, короче, а то я рассержусь!

– Ой, спасибо, Якоб, что напомнил, – прошептала Анна и первой выскочила на улицу, мимоходом похлопав вошедшего по плечу.

2

Флав считал, что обязанности должны распределяться в соответствии со способностями. Например, у кого-то есть способности к обучению – он учит. Другой имеет способности к копанью – копает. Если их поменять местами, ничего хорошего не выйдет...

Янус Хозек, «Как это было», 57-е издание, Анастасийская Центральная библиотека

За завтраком профессор Фабрициус, как обычно, восседал за учительским столом. Но едва Филь и трое Хозеков вбежали на занятия в Первую Медицинскую, стало ясно, что с профессором что-то не так. Складывалось впечатление, что Схизматик ничего не упускает, всё подмечает и вообще ведёт себя странно, то и дело бросая вокруг себя настороженные взгляды.

– Его как будто подменили, – прошептала Мета. Профессор живо обернулся, что при его размерах вышло угрожающе, и недовольно бросил:

– Я ничуть не изменился, а вот вы, барышня, изменяете своему обыкновению не болтать бессодержательно на уроках!

Присутствующая на занятии Габриэль, чьей главной дисциплиной была медицина, наградила Мету красноречивым взглядом, говорящим: «Так тебе!» Профессор, однако, не закончил.

– Если мне понадобится говорящая голова для умных бесед и совещаний, я обращусь за помощью к описаниям экспериментов Альберта Великого, труды которого мы как раз сейчас изучаем. Ваша же голова пока ещё довольно пустая.

Филь насторожился: отпускать подобные реплики было не в характере Схизматика.

«Может, его и впрямь подменили?» – подумал он.

Ян, сидя рядом на табурете, коротко рассмеялся.

– Альбертус Магнус, – проговорил он это имя на латыни, копируя интонацию профессора, – скорее обычный мошенник, распускавший сам про себя небылицы, потому что не в человеческих силах столько знать и уметь, сколько ему приписывают.

Класс притих. Альберт Великий, врач, философ и алхимик из Старого Света, был любимым учёным Схизматика, на которого тот постоянно ссылался. Филь испугался, что его друг решил подёргать волка за хвост, – за ним это водилось. Сам Филь предпочитал кулаки словесной перепалке.

Розовощёкий профессор побледнел.

– Что ж, Хозек, возможно, и так, – сказал он, перебегая взглядом на Анну и Мету, – но кто вы, чтобы заявлять здесь об этом? Не ваша ли мать поверила сердарам и отдалась им в руки, чтобы они вылечили её бесплодие? Тем самым сердарам, которым молва приписывает столько, сколько не в человеческих силах знать и уметь.

Трое близнецов неприязненно уставились на него.

– Вы суёте нос не в своё дело, профессор, – угрожающе произнесла Анна, и Схизматик будто очнулся.

– М-да, действительно, что это я? – сказал он, потерянно хлопая ресницами и зачем-то оглядываясь. – Прошу прощения... Продолжаем урок!

Выйдя на улицу, где со вчерашнего вечера сильно подморозило, Филь сказал, растирая скукожившиеся от холода уши:

– Как хотите, но он сегодня был сам не свой. С этим нужно что-то делать.

– У него слух стал как у демона, – заметила Мета, плотнее заматываясь в шарф.

– А язычок как у Патиосоца, – хмыкнула Анна, уткнувшись носом в свой.

Ян заключил:

– Имеет смысл стащить у него те записи. Ставлю аспр против империала, что ответ в них. Когда он последний раз посещал Кейплиг?

– Две недели назад, – сказала Мета.

– Дня через три снова поедет, – добавила Анна. – Он оттуда не вылезит. Было бы любопытно узнать, кто платит за эти поездки.

– Тогда у нас будет минимум два дня, – кивнул Ян. – Даже если он, как обычно, поедет Почтовыми.

Припомнив собственный опыт передвижения кибиткой Почтовой гильдии, Филь пробормотал:

– А мне интересно, как он ещё жив с этими поездками.

Дорога от Алексы до Кейплига занимала пять дней неторопливой езды каретой или примерно день пути Почтовыми. Эту разницу во времени было трудно понять тем, кто никогда не пользовался услугами гильдии. Но Филь хорошо знал, с какой скоростью летают их всадники на своих огромных лошадях. Любой путешествующий в их двухколёсной кибитке рисковал сломать себе шею. Филь проехался в ней однажды и до сих пор не любил вспоминать об этом.

Будучи предприимчивого ума, с одним империалом в кармане нажив здесь год назад кучу денег, он понимал, что такие частые путешествия должны сулить адские барыши. И, хорошо представляя, в какую ситуацию он загнал семью Фе покупкой Хальмстема, Филь тем сильнее пытался разгадать загадку Схизматика. Он думал об этом в одиночку, не посвящая Хозеков в свои размышления. Его душа не могла вынести мысль, что тогда придётся делиться.

Филь был сыном торговца и не любил попусту тратить деньги. Он тратил их только на полезные вещи вроде учёбы ремеслу у хальмстемского кузнеца. Филь скучал по Прению и думал время от времени: «Вот бы кого сюда, чтобы обсудить, на чём собрался заработать Схизматик!»

Воспоминания о днях, проведённых в кузне, изгнали хмурь из его души, и он побежал быстрее. Обогнав всех, он первый влетел в лекционный зал, где профессор Роланд читал скучнейшие, но обязательные к изучению мораль и право.

Обязательность посещения лекций профессора приводила к тому, что на его занятиях яблоку было негде упасть. Набранные со всех концов Империи школяры собирались в недостаточно большой для этой цели зале. Приходилось то и дело просить соседа убрать локоть от своей печени, а ещё профессор боялся сквозняков, и поэтому тут было душно.

Духота влияла на Филя так, что он переставал соображать. А сбежать было нечего думать – в наказание полагалась учёба один на один с учителем. В общем, оставалось просто пережить это, как простуду.

Филь уселся на лавку в первом ряду перед открытым пространством, по которому любил вышагивать профессор. Если он вынужден мучиться, то почему бы не получить удовольствие от ужимок учителя, заодно избежав его вопросов. Патиосоц страдал дальновзоркостью и неохотно спрашивал учеников с первых рядов.

Похожий на жердь профессор ворвался на лекцию в своей обычной манере. Взгляд его близко посаженных глаз пробежался по аудитории. Цвет лица его был бледно-прозрачный или, как любила говорить Анна, интересно-бледный. Анна полагала, что профессор ест на ночь толчённый мел и запивает его уксусом для пущей загадочности.

Хозеков поблизости не было: они с трудом выносили Патиосоца, настроение которого менялось вместе со временем дня, года и с погодой. Сегодня он был бодр и сразу зашагал туда-сюда вдоль первого ряда. Не успев, однако, объявить тему лекции, он вдруг присел, потом привстал на цыпочки и вперился взглядом поверх головы Филя.

– Что ты замер там между рядами в позе шестимесячного эмбриона? – поинтересовался он громко. – Да, ты, там, за тринадцатым рядом, я тебя спрашиваю! Места не нашёл? Иди сюда, постоишь у окна!

«Тринадцатым рядом» в Алексе называли выбеленную известкой скамью, которая в комнатах, где проходили лекции, служила границей между женской и мужской половинами. Дальняя половина была женской.

Не смущённый репликой профессора, из рядов поднялся белокурый кудрявый ученик и неторопливо направился к окну. За тринадцатым рядом зашушукались. Это был Курт Норман, выпускник одной из школ Детской Службы, куда попадали в основном полные сироты. Их тут было много, держались они своей компанией, и Филь не очень хорошо знал Курта.

– Что послужило причиной смерти Первой империи? – спросил тем временем профессор у аудитории. – Должна она была умереть, как говорят? Это нравственный вопрос, это не вопрос к истории. Кто мне ответит в двух словах?

В зале подняли руку, и профессор тут же тыкнул пальцем: – Говори!

– Должна была, – послышался ответ Бенни Тендеки, пухлой розовощёкой девчонки с кафедры отца Бруно, чей голос был знаком Филю по её перепалкам с соседками по комнате, расположенной через площадь от дормитория, где он жил с Яном. – Первая империя была создана сердарами, а сердары – безжалостное, жестокое племя. Они любят только себя и ненавидят всех остальных. Им нет прощения за то, что они здесь натворили, когда строили Первую империю. Придя сюда девятьсот лет назад из Северной Европы, они поработили уйму людей и ещё больше убили. Они насаждали свои законы огнём и мечом, и, хотя мы живём теперь лучше, чем те несчастные, которые в Старом Свете, сердаров это несколько не извиняет!

«Гнали в шею по дороге прогресса», – вспомнил Филь слова Эши Фе, чей родной отец был сердаром.

– Всем, кто их не устраивал или кто с ними не соглашался, они рубили головы, – продолжала Бенни, – оставляя в живых только малых детей. А потом у людей лопнуло терпение и они подняли восстание, во главе которого встал юный Кретон I, и сердары трусливо бежали обратно в Старый Свет.

«Я не заметил в них трусости», – возразил было Филь, но прикусил язык. Сердаров в Империи ненавидели, и знакомство с ними не поощрялось. Однако именно отец Эши спас шкуру Филя прошлой весной, когда они с Ирением попали в лапы монахам Старого Света.

Хотя в одном Бенни была права: теперь, когда Филь стал старше, разница между Новым и Старым Светом бросалась ему в глаза. И больше всего Филю нравилось, что толковые идеи со всех концов Старого Света – будь то из Поднебесной Империи, от арабов или из Европы – быстро находили сюда дорогу.

По кислему лицу профессора было видно, что ответ его не удовлетворил.

– Барышня, – обессиленно проговорил он, – вы перепутали меня с отцом Бруно. Вы излагаете всем известные вещи с таким апломбом, будто открываете нам истину, но я-то просил взгляд со стороны морали... Эй вы, там! – вдруг рявкнул он и опять тыкнул пальцем в аудиторию. – Да-да, именно вы! Глаза большие, голубые, сросшиеся на переносице, я к вам обращаюсь! Девушка, вы сейчас окончательно уснёте и падёте в объятия сидящей рядом с вами такой же сомнамбулы... Что вы рыдаете, я цитировал вашу соседку! Не надо на меня рыдать, рыдайте на неё, это она не умеет выразить свои мысли!

За спиной Филя поднялся шум, который быстро утих, и только жалобные всхлипывания какой-то впечатлительной особы продолжались ещё некоторое время. Курт, стоявший у окна, заметно напугался горячностью профессора. Он опустил голову, сверля взглядом пол под ногами. Все остальные замерли, не отводя глаз от Патиосоца: когда он выходил из себя, могло случиться что угодно, и лучше было сидеть тихо.

– Голдарн, трижды голдарн! – прорычал профессор новосветский аналог «тупого варвара», глядя на притихших учеников. На его лбу выступила испарина. – Непроходимые тупицы, где вас только понабрали! Я прошу ещё р-раз...

– Профессор Роланд, – вдруг прозвучало в аудитории, – разрешите мне ответить?

Филь вывернул голову и увидел Мету, стоявшую в ожидании разрешения. Все уставились на неё в изумлении: она ступала на тонкий лёд. Если её ответ не устроит профессора, он может отлучить её от своих уроков, а это означало дорогу домой. С начала осени Патиосоц уже отправил туда двух учеников.

Разошедшиеся тучи в душе Филья снова закрыли собой небосклон: едва он подумал, что Мета может уехать, его сердце сжалось, как уши на морозе. В аудитории настала мёртвая тишина.

– Слушаю! – пролаял Патиосоц.

– Создатели Первой империи, сердары, по их собственному заверению, не знают, откуда они родом, где их корни и родная земля, – проговорила Мета, заметно нервничая. – Отсутствие рода и племени подразумевает крайне шаткие моральные устои. Первая империя неизбежно должна была в какой-то момент зашататься, и её достаточно было подтолкнуть, чтобы она развалилась.

Профессор всплеснул руками:

– Bravo! Bravo ещё раз, вы блестяще ответили, спасибо, дорогая! Вы вернули мне веру в человечество! Разрешаю вам со следующего занятия приступать к праву можете больше не писать сочинения, ваши формулировки достаточно точны. Я сегодня подберу вам тему для изучения, напомните мне сразу после ужина!

Душа Филья наполнилась блаженством. Порозовев, Мета опустилась на скамью довольная собой, ведь право было её главной дисциплиной.

Едва лекция закончилась, Филь с Яном влились в толпу, несущуюся на обед. Бежать им не хотелось, и они сбавили шаг.

– Наш профессор – алмаз невиданной огранки! – присоединясь к ним, выдохнула Анна. – Чем дольше здесь живу, тем больше убеждаюсь.

– Верно, он полоумный, – заявил Ян. – Мораль и право, кто бы подумал, что эти тривиальные вещи способны довести до такого. Теперь я их боюсь. Всерьёз рассматриваю возможность выкрасть из библиотеки все книги по ним и сжечь их в лесу, пока в Алексее только один умалишённый.

– А я его боюсь, – сказала Мета. – Вот увидите, с таким подходом он угодит когда-нибудь в большую неприятность.

– Мы должны подыскать ему успокоительное, – предложил Филь.

– Замечательная идея, – возразила Мета. – Но я не могу давать блестящие ответы каждый раз, когда он выходит из себя.

– Нет, – засмеялся Филь, – я подумал про зелье! У Схизматика полно всяких, надо порыться, когда полезем за... той книгой. Да, Ян, скажи в двух словах, а о чём там?

Филь не мог произнести «пыточные записи», больно свеж был в его памяти день, когда он сам чуть не угодил под пытки на пару с Ирением.

– Потом, а то сейчас испорчу тебе аппетит, – сказал Ян, открывая дверь в трапезную, откуда тянуло густым духом свежееиспечённых пирогов.

После обеда они, как обычно, побежали, торопясь к началу занятий по естествознанию, до которых оставалось мало времени, разбрызгивая во все стороны подтаявший на солнце снежок. Профессор Лонерган был уже в лаборатории и копался в большом ящике, стоявшем на подоконнике, подкручивая в нём что-то.

Вторая по размеру, после Первой Медицинской, лаборатория была набита разнообразными устройствами. Те, которые поменьше, были собраны в шкафах, покрупнее – на широком столе. Вокруг стола вразнобой стояли старые табуреты, такие же, что в остальных лабораториях. У окна, в свободном углу, приютилось кресло, в котором часто восседал профессор во время занятий.

– Хозек, – сказал он, завидев двух друзей, – я до сих пор не получил от вас работу по перспективе. Даю ещё неделю, после чего ставлю «ноль».

Ян, в отличие от Филя, не любил ничего делать сразу, а копил задания до последнего и потом разделялся с ними одним махом, на что у него обычно уходила целая ночь.

– Профессор, но в библиотеке только три копии учения Анаксагора, и их все разобрали, – сказал Ян.

Одна копия лежала в их комнате на тумбочке Филя, однако Ян предпочёл об этом не упоминать.

– Тогда возьмите Роджера Бэкона... Допускаю, что язык сложный, зато охват шире. Он всё равно понадобится вам в ближайшее время.

Профессор Лонерган захлопнул крышку ящика и глянул на Филя. Широкий, резко очерченный рот его скривился.

– Твою я принял, – сказал профессор, – но мог бы лучше. Видно, что отписался, нет полёта мысли.

Пользуясь собственными критериями, он одним ученикам говорил «вы», другим – «ты». Филь подумал, что скука смертная эта перспектива, какой там полёт. Вот если бы собрать какую-нибудь машину вроде парового молота, что построили они с Ирением в прошлом году!

В лабораторию вломились остальные члены группы, коих с Филем и Яном насчитывалось шестнадцать человек. Все быстро расселись по свободным местам.

– А почему я не вижу Нормана? – поинтересовался профессор.

Долговязый Том Рафтер, видом напоминавший Филю стропило, ответил:

– Он передал, что будет ходить только на обязательные занятия, ему интересней с ректором.

Профессор Лонерган сдвинул на секунду густые брови, затем многозначительно улыбнулся:

– Другими словами, ему интересней общество девиц, ибо сюда им ход запрещён. Что ж, продолжим без Нормана. Он юноша красивый, пусть оделит их мужским вниманием, оно для женской души как топливо. Глядишь, кто-нибудь из них выучит что-нибудь в попытке выделиться из общей массы, а нет – так потеря невелика!

– Могли бы допустить некоторых девушек на свои занятия, – негромко проговорил Ральф Фэйрмон – с надменно вздёрнутым подбородком, единственный, кому здесь исполнилось шестнадцать.

Профессор дёрнул головой, перенацелившись на него.

– Вы что-то сказали, простите? – Он нехорошо прищурился. – Я уже объяснял свою позицию: от вас мне нужен чистый научный интерес. Стоит здесь появиться хоть одной девице, как вместо обучения начнётся выпячивание статусов: это неизбежно, так устроены люди.

Фристл Бристо предложил:

– Профессор, это решается элементарно: откройте набор во вторую группу, только для девушек!

Профессор Лонерган лишь махнул рукой:
– А кто их будет учить? Мне нельзя, это будет не учёба, а сплошное несчастье.

Отказываясь поверить, что старый профессор не способен кого-то чему-то научить, Филь сообразил, что тот считает себя неотразимым сердцеедом, и гыкнул, еле сдержав смех.

– Что ты тыкаешь так радостно, Фе? – поинтересовался у него профессор. – Ты уже готов дать мне ответ на вопрос, из чего состоит граница между чёрной и белой плоскостями?

Вопрос был задан на прошлом занятии в ответ на реплику Филья, что изучать свет – это неинтересно.

– Ещё нет, – признался он.

Эта граница оказалась не такой простой, как Филь поначалу считал, и пока все предложенные им ответы Лонерган на лету разбивал в пух и прах.

– Дайте сначала выбраться из того леса, куда вы уже нас загнали, – пробормотал он.

– Тогда уж сначала забраться в него, – кивнув, сказал профессор.

Он прошёлся по лаборатории и положил ладонь на чёрный ящик.

– Сегодня этой камерой-обскурой, демонстрацию которой я обещал в прошлый раз, мы заканчиваем с учением о тенях и углубляемся дальше в свет. Для выполнения домашнего задания вам понадобится книга Роджера Бэкона. В библиотеке есть пять копий, но предупреждаю: эта книга невероятной ценности, и за варварское обращение с ней я без малейших раздумий подпишу секулярный лист. Повторите, какое наказание ждёт виновника?

– Кнут по числу испорченных листов, – раздался в ответ хор мрачных голосов. – И переписывание испорченного.

– А при повторении?

– Опять кнут и переписывание всей книги в личное время, – ответил хор ещё более мрачно.

– А если в третий раз?

– Отлучение от Алексы!

Филь содрогнулся при мысли, что тогда придётся уехать отсюда. Кто-то, похоже, что Лофтус-Ляпус, тихо сплюнул через левое плечо.

– Что ж, граничные условия пользования книгами вы усвоили, – удовлетворённо сказал профессор. – Тогда запишите домашнее задание!

Все зашуршали тетрадами из грубой бумаги с листами, прошитыми дешёвой бечёвкой. Император Флав не хотел тратить деньги на хорошую бумагу и заказал тетради Бумажной гильдии за смехотворную цену. Писали на них обломками графита, который каждый затачивал для себя и которого была навалена целая груда у кузни. Только контрольные работы писались здесь на нормальной бумаге перьями и чернилами.

– В лесах с густой листвой, – начал профессор Лонерган, – в ясные дни можно наблюдать удлинённые светлые пятна на земле. К следующей среде, то есть через пять дней, я жду от вас письменную работу с ответом на вопрос, почему эти пятна всегда овальные, а также короткое эссе на тему, как мы можем сравнить между собой силу двух источников света, к примеру свечи и масляной лампы. Задание понятно?

Разочарованный тем, что опять ничего интересного не предстоит, Филь буркнул в сердцах:

– Понятно... Понятно, что скука смертная!

Профессор остановил на нём взгляд.

– А специально для Фе, – продолжил он вкрадчиво, – я предлагаю ему разработать прибор, при помощи которого можно смотреть сквозь человека. Обещаю зачёт за весь раздел света, если он принесёт мне хотя бы эскиз.

Филь оторвался от писанины и вытаращился на профессора.

– Это ахинея, таких приборов не бывает!

– Бывают, – ласково улыбаясь, сказал профессор, – и когда я покажу, как его сделать, тебе станет горько и обидно, что ты сам до этого не додумался. Тогда, может, ты перестанешь, наконец, относиться к теории с пренебрежением.

Филь заморгал растерянно – профессор, казалось, не врал. Но сколько Филь ни копался в памяти, он не мог вспомнить ничего, что позволило бы построить такой прибор. Судя по лицам остальных, они ломали голову над тем же: ещё бы, так можно разом сдать весь скучный раздел!

– А может, есть желающие зачесть сразу и раздел воздуха? – предложил профессор погружённым в размышления ученикам. – Предлагаю сделку: я получаю развёрнутый ответ, почему это так, и ставлю зачёт без экзамена.

Это была уже цена, Филь аж привстал от предвкушения. Сидевший рядом Ян тоже заинтересовался, буравя профессора взглядом. Свет и воздух – эти разделы должны были изучаться до самых летних каникул. Все обратились в слух.

Гарантировав себе внимание, профессор Лонерган наполнил стоявший на столе стакан водой из кувшина, положил сверху лист чистой бумаги и перевернул стакан. Филь ожидал, что вода выльется, но бумага непостижимым образом не позволяла ей хлынуть на пол.

– Итак, – сказал профессор, держа перевёрнутый стакан за доньшко. – Я жду объяснений!

Филь не спускал глаз с бумаги – как это могло быть? Он зажмурился, но, открыв глаза, увидел прежнюю картину: бумага висела будто приклеенная к краям стакана.

– Да это же фокус! – вскричал Николас Дафти, сидевший неподалёку от Ляпсуса. – Ребята, он нас дурит!

Николас был такой же скуластый, как Филь. Волосы он стриг ёжиком.

– Значит, не будет объяснений, – резюмировал профессор и, опять перевернув стакан, снял с него лист мокрой бумаги. Отправив бумагу в помойное ведро, он залпом выпил воду. – Чтобы ни у кого не оставалось сомнений!

В классе сделалось шумно. Все принялись торопливо спрашивать друг друга в надежде, что кто-то знает ответ. От злости, что объяснения не находятся, Филь покраснел. Ян искоса глянул на него.

– У тебя ничего? – спросил он чуть слышно.

– Ни проблеска, – простонал Филь и, сжав голову в ладонях, уставился на свою тетрадь. Его толкнул в бок Ральф Фэйрмон.

– Слушай, Фе, – зашептал он. – Ты говорил, что путешествовал по морям, видел разные города. Неужели нигде не встречал такого? Вспомни! Если дадим ответ сейчас, можем забыть про Лонергана до конца года!

Филь удручённо помотал головой.

– Ну так ты и кузнец, наверное, такой же, – недовольно бросил сосед, – а твоя больная рука только для отвода глаз!

Узнав, что Филь умеет ковать металл, Ральф как-то захотел помериться с ним силой. Но Филь не зря махал почти два года кувалдой в Хальмстеме и прижал руку Ральфа к столешнице. Вот только его собственная рука взвыла от боли. Филь повредил её, когда впервые встретился с Яном Хозеком и тот дал совет, как сделать раковину, открывающую путь между Новым и Старым Светом. Ян давно извинился за свой необдуманный совет, но его последствия ещё преследовали Филья.

– Время вышло, – объявил профессор. – Вы упустили свой шанс перепрыгнуть через поджидающие вас препятствия. Теперь мы снова начнём перебираться через них медленно и печально. Возвращаемся к нашей камере-обскуре!

Успев отойти от разочарования и всласть развлёкшись камерой, класс покинул лабораторию, оживлённо галдя. Солнце уже скрылось, на улице мела поземка. Шагнув на лёд, в который превратился подтаявший накануне снег, Филь взмахнул руками и растянулся на спине.

– С-сатана, – выругался он и пожаловался рассмеявшемуся Яну: – Я никогда не привыкну к этому, я и снега-то не видел до одиннадцати лет!

Дул пронизывающий ветер, руки быстро коченели без рукавиц. Но рукавицы им должны были выдать только через неделю, в соответствии с указаниями Флава. Император экономил здесь на чём только мог, исключая профессуру, которой он платил, по слухам, бешеные деньги, чтобы удержать их в Алексее.

Двое друзей надвинули поглубже капюшоны, сунули руки в карманы и поспешили к далёкой трапезной. На полпути они наткнулись на Анну с Метой, торопившихся им навстречу.

– Мальчики, у нас хорошие новости, – сказала Мета, раздумываясь на морозе. – Схизматика не будет до понедельника!

– Он завтра с утра отчаливает в столицу, – пояснила Анна, приплясывая и хлопая себя по бокам. – Тривиум проговорился на лекции.

Ян спросил рассеянно:

– А что у нас завтра?

– Суббота, – напомнил Филь. – Как раз два дня, чтобы успеть залезть в Первую...

Он оборвал себя на полуслове: по улице по направлению к своей лаборатории шагал профессор Фабрициус. На его голове красовалась шапка из собачьей шерсти, на руках – могучие рукавицы.

– Мёрзнет, бедняга, – сказала Мета.

Ян задумчиво протянул, глядя вслед профессору:

– Мёрзнет... А в ночь на воскресенье будет Ночь Демонов.

– Нас же это не коснётся! – нахмурилась Мета.

– О-о! – понимающе произнесла Анна.

Продолжая разглядывать профессора, Ян кивнул:

– Так что вы пришли с плохими новостями, не хорошими.

– Может, он простыл? – предположила Мета.

– Нет, – проговорил Ян убеждённо, – этим всего не объяснишь. Только одно объясняет всё разом: наш Схизматик, к сожалению, демон!

3

Что было бы, не подружись они в Алексее?

Что бы случилось, не обрати они внимание на то, что от них так старательно прятали? Да ничего – тайна осталась бы тайной. Разве что смерть двоих из них стала бы неизбежной. И страшный меч, возможно, никогда уже не был бы создан...

Клариса Гекслани, «История Второй Империи. Комментарии», 1-е издание, репринт, Хальмстемская библиотека

Филь, оказывается, забыл, что прошёл уже год со дня разрушения Хальмстема. В прошлом году в это время они с Габриэль, Эшей и Руфиной пережили там Большой Катаклизм. Произошло это в последний день октября, когда звёздное скопление Плеяд достигло максимальной высоты в полночь. Это случалось каждые тринадцать лет, и каждый раз граница с родным миром демонов слабела, а Хальмстем оказывался под их атакой.

Раз в пятьдесят два года каждый четвёртый катаклизм был сильнее прочих, именно он носил название «Большой». В такой год Яд-Аль-Джауза на плече Ориона сияла особенно сильно – и в окрестностях Хальмстема разгоралась битва. В прошлом году её избежали благодаря машине, установленной на куполе Хранилища, которую собрал и запустил император Флав. Тогда вместо сотен солдат от рук демонов погиб только один и ещё шестеро нашли свой конец под завалами: замок не выдержал землетрясения, вызванного машиной, и развалился. Эти развалины купил Филь.

Двенадцать лет между Малыми Катаклизмами бывали обычно спокойны. Тем не менее в последний день октября и в первый день ноября вероятность встречи с демонами сильно повышалась в окрестностях Хальмстема. Столицу Кейплиг они тоже, бывало, не обходили стороной. Ночь между этими датами называли Ночью Демонов.

Филь знал про катаклизмы, но никто не удосужился рассказать ему про «тихие» годы, поэтому он не сложил два плюс два так быстро, как это сделали Хозеки.

Ни один человек в здравом уме не отправится из безопасной Алексы в Кейплиг накануне Ночи Демонов. Ни один человек в здравом уме не станет таскать с собой ничего, на что угрожающе реагирует Арпонис. И последнее лыко в строку внесло появление профессора Фабрициуса, одетого в тёплую шапку и толстые рукавицы в не самый холодный день поздней осени.

– А откуда известно, что демоны не выносят холода? – спросил Филь, когда все четверо с невинным видом вошли во Вторую Медицинскую в субботу после завтрака. Отодвинув табуреты с дороги, они подошли к потайной двери.

– Сейчас узнаешь, – сказал Ян, наблюдая за попытками Филья снять крючок, который не поддавался. – Тем документам восемь с половиной веков, и они не предназначены для посторонних глаз. Так что там всё без прикрас.

Филь присел, глядя в щель между косяком и дверью.

– Э-э, – сказал он. – На вашем месте я поискал бы что-нибудь длинное, прочное и плоское, а то мы простоим тут весь день. Это больше не крючок, это – целый крюк, его не откинуть листом бумаги.

– А Схизматик не дурак, – произнесла Анна с ноткой одобрения. – Сразу увидел, что мы там побывали. Вот демон глазастый!

Трое близнецов рассыпались по комнате в поисках подходящего инструмента. Филь сделал ещё одну попытку открыть дверь.

– Попробуй этим! – Мета протянула ему забытую кем-то линейку, и через минуту они были в Первой лаборатории.

Кроме крысиных голов и кишок на столе – следов от последнего урока – здесь ничего не изменилось. Даже записи, заинтересовавшие Яна, лежали там же. Исчез только фиал – его не смогли найти.

Сделав вывод, что Схизматик забрал его, четверо «заговорщиков» поторопились покинуть лабораторию, пока кто-нибудь из учеников не пришёл в соседнюю. Зубрил, шлявшихся по лабораториям в выходные, Алекса пока не знала, но Ян предложил не рисковать. Потрёпанную книгу с выпадающими листами он сунул себе под ремень, прикрыв полами плаща.

Погода продолжала играть в игру «а ну, угадай!» – на улице снова было тепло. Правда, не так, как неделю назад, но солнце светило всюю, и воздух был прозрачный и хрусткий.

– И куда мы теперь? – спросил Филь, жмурясь от солнца. Они стояли посреди улицы Стражников, поняв, что идти им некуда. Библиотекой в Алексее служило тесное помещение, где шкафов, казалось, было больше, чем воздуха, и любой проходивший мимо заметил бы, что они читают. К тому же библиотека примыкала к профессорскому жилью. Филь с Яном могли, правда, запереться в своей комнате, но Анне с Метой было не спрятаться от болтливых и шумных соседок.

– Н-да, дилемма, – сказал Ян.

Филь рассмотрел возможность укрыться на конюшне, но там жили кошки. Они ещё кое-как терпели конюха Якоба, но не посторонних. Кузня, правда, стояла пустая, потому что кузнец был приходящий из деревни, только как бы ни было тепло сейчас на солнце, в полутёмной неотапливаемой кузне они замёрзли бы в два счёта.

– Деваться некуда, идём к нам, – сказал Филь, перебрав все варианты.

Ян с сомнением глянул на него:

– В смысле, в наш курятник? Не думаю. Приличные люди не должны это видеть.

– А к нам просто нельзя, – сказала Мета.

– Гарпия распнёт нас на стенах dormitorio, – эхом отозвалась Анна, – во устрашение!

Посещение женских dormitorio мужским составом строго запрещалось. Обратное хотя и запрещалось, но не одобрялось.

– Что ж, – сказал Ян, – пошли тогда к нам.

Из переулка Висельников они свернули к площади Обречённых. Огромные ворота Алексы на другой стороне площади были распахнуты. Через них виднелась толпа учеников, собравшихся на поле у подножия холма. Из толпы раздавались разрозненные крики и визг. Вдруг хор голосов закричал, скандируя:

– ГА-БРИ-ЭЛЬ, ГА-БРИ-ЭЛЬ!..

– А-А-А!!! – разнёсся по полю восторженный вопль. Филь увидел чёрный шар юки, пущенный кем-то столь удачно, что тот поразил невидимые отсюда ворота. Толпа бросилась обнимать победно прыгающую фигурку с вздёрнутым вверх и сверкающим на солнце Арпо-нисом.

– Твоя сестра опять даёт всем жару, – одобрительно ухмыльнулся Ян.

Мета сдержанно улыбнулась. Анна произнесла с кислым видом:

– Если она не выпустит там весь пар, то я думать не хочу, во что сегодня превратится наш вечер. Это будет одна нескончаемая Габриэль, Габриэль, Габриэль, Габриэль... и её победа!

– Вас надо расселить, – пробормотал Филь, которому надоело выслушивать жалобы на сестру.

Просторная общая комната на первом этаже dormitorio, или коллегия, была пуста. Лишь тихо потрескивали дрова в большой печи, занимавшей всю левую стену. Филь никак не мог взять в толк, как эта печь устроена, что тепло от неё расходится по всем комнатам, – по меньшей мере, стена в ногах его постели была тёплая, когда топили.

Поднявшись по скрипучей лестнице на второй этаж, Ян толкнул дверь в их комнату. Это было квадратное помещение с одним окном, полускрытым наваленными на подоконнике

книгами и тетрадами. Тут же стояло глиняное блюдо с кусками графита и камнем для его заточки.

Мебели в комнате было немного. По обеим сторонам от окна, вдоль стены, расположились кровати. Под ними виднелись сундуки. Напротив окна, у другой стены, стоял массивный обшарпанный стол, перед столом – колченогий табурет. Стол украшали чан с мочёными яблоками, над которыми начинали виться фруктовые мухи, две уёмистые кружки и блюдо с недоёденным пирогом. Пол был усыпан графитовой крошкой.

У изголовья кроватей стояли тумбочки с подсвечниками для свечей, а к стене были прибиты пробковые доски с расписанием занятий. Расписание на доске ближе к двери крепилось двумя булавами, на второй – кухонным ножом. Между столом и дальней стеной притаилась бочка. Из бочки торчал бронзовый кран.

– Что в бочке? – ступив в комнату, поинтересовалась Анна.

– Можжевеловый квас, – сказал Филь. – Соображать помогает.

Он выменял бочку у главного повара на услуги кузнеца, когда кухонная лошадь, на которой возили продукты из деревни, сбила ногу и её потребовалось перековать.

Мета сняла с себя школярскую робу и повесила её на гвоздь, вбитый в стену. Анна последовала за ней. Филь с Яном бросили свои робы на кровати. Все четверо остались в простых серых платьях – наследство от тюремных времён Алексы. По указанию императора ученикам запрещалось носить другую одежду.

– Вам следует поселить здесь третьего, чтобы он убирался за вами, – сказала Мета, опускаясь на кровать Яна, выглядевшую более презентабельно, чем месиво из одеяла и простыней с дальней стороны от двери.

– Тут и так мало воздуха, – буркнул Филь, приводя свою постель в порядок.

Они с Яном совпадали во всём, кроме одного: Филь предпочитал спать с открытым окном, его друг – с закрытым.

Ян достал из-за пояса пачку пергаментных листов в кожаном переплёте и поискал глазами, куда её положить, чтобы все могли её читать. Филь, любивший читать на кровати, взял книгу и повертел её в руках, прикидывая, сколько у них уйдёт времени, пока они одолеют её. Обнаружив на задней стороне защёлку, он открыл её, и книга распалась на отдельные листы.

– Вот и решение проблемы, – ухмыльнулся он, забирая себе четвертую часть и падая с ней на постель. Мета с Анной устроились на второй. Ян оседлал табурет.

Солнце поднялось высоко, а они всё читали, выискивая объяснение, что такого содержится среди этих листов, что использует Схизматик. Мета с Анной, негромко переговариваясь, временами показывали друг другу на то или иное место в тексте. Ян сидел, упёршись спиной в стол, закинув ногу на ногу, кладя листы перед собой на колено. Филь только изображал, что читает.

Доставшиеся ему сердарские записи описывали воздействие на демонов трёх основных стихий – воды, воздуха и огня – в различных сочетаниях. А так как видов демонов в Новом Свете жило больше десятка, это был титанический труд. Пробежав его глазами, Филь увидел, что в конце сердары отказались от известных стихий, подобрав какое-то новое средство воздействия – уродливый на вид аппарат, но действенный, судя по тому, что подопытные стремительно умирали от него. Филь не сразу сообразил, что смотрит на прототип Арпониса.

Происходило это, как Ян и сказал, очень-очень давно, и по некоторым словам из текста было ясно, что в это время между демонами и сердарами шла война. Но когда убивают в драке – это одно, а вот так деловито изображать расчленение и пытки пленников – это другое.

Изображения ощерившихся в ярости демонов и безжалостные строчки текста вывели Филья из равновесия, и он впервые за долгое время захотел обратно в Старый Свет. Картинки его мирной жизни с отцом в Неаполе плыли перед его глазами, заслоняя страхи, изложенные на пергаменте.

Ян бросил свои листы Филю в ноги и сладко потянулся.

– Я проголодался, пора наведаться в трапезную! Давайте подытожим. Что у тебя? – спросил он друга.

– Изобретение Арпониса, – ответил Филь.

Мета в свою очередь сказала:

– Воздействие холодного оружия и ядов. – Она передёрнулась. – Оказывается, их убивает жёлтый иссоп, вот не знала!

– А у меня в основном защита от демонов, – сонливо проговорила Анна и тоже потянулась, – ничего завлекательного. Главная защита, как можно догадаться, это не бояться. Пока ты совершенно спокоен, ты им неинтересен, ну, если, конечно, ты не сердар. Стоило создавать такой труд, я бы им это и так сказала. А что у тебя, братец?

– У меня... – загадочно протянул Ян. – У меня тут занимательный допрос одного нергала, а остальное – вы не поверите! – поиск субстанции, которая превращает в демона. Любопытное было время: сердары искали, как им натравить демонов на демонов, а те, за неимением у них пленных сердаров, искали способ, как на сердаров натравить людей.

– А что, демоны не берут сердаров в плен? – сделал Филь заинтересованное лицо.

– Съедают прямо на месте, – кровожадно заметила Анна.

– Сердара бессмысленно брать в плен, – сказал Ян. – Они умирают по заказу. Останавливают сердце и умирают. Хотел бы я так! – Он поднялся. – Ну что, посетим трапезную? А потом обменяемся записями, чтобы быть уверенными, что ничего не упустили.

В трапезной Филь ел месиво из мяса и овощей, не чувствуя ни вкуса, ни запаха. Сердарские записи продрали его до самых печёнок. Он вспомнил, как три года назад ломал голову над тем, как тут всё устроено, и как решил остаться, пока не поймёт, что тут к чему. А потом всё завертелось – и он нашёл здесь свой дом. Но если бы Лентола открыла ему сейчас Врата, как сделала это три года назад в лесу у Хальмстема, он, пожалуй, шагнул бы в них.

Филь вспомнил, что у него самого есть раковина, открывающая Врата, которую он получил от госпожи Фе. Он решил в очередной раз попробовать зажечь её и поднялся, буркнув Яну, что будет ждать его в комнате.

На ступенях он столкнулся с толпой игроков, возвращавшихся с поля. Шумно галдя, они сопровождали сияющую от счастья Габриэль. Завидев Филя, она кинулась ему на шею.

– Филь, мы победили, мы опять победили! – завопила она и добавила, виновато опустив глаза: – Только я забыла на поле свой Арпонис.

В дверях образовался затор.

– Не волнуйся, такой кусок серебра обязательно подберут, – ухмыльнулся Филь.

Ему было досадно, что он убил полдня на всякую дрянь вместо участия в игре. Оформившаяся команда сложилась только у профессора Иллуги, и теперь она была всех подряд, а Филь мечтал сколотить свою под патронажем Лонергана.

– Такая яркая сестра и такой невзрачный братец! – фыркнул кто-то, протискиваясь мимо. Филь увидел Палетту Кассини, подругу Габриэль.

– Ты сегодня тоже хорошо выглядишь, я тебя даже не узнал, – бросил он не раздумывая. Палетта спала с лица и скрылась в трапезной. Габриэль хихикнула:

– Филь, тебе Эша уже говорила, что у тебя совершенно не выходят комплименты!

Он кивнул:

– И теперь, когда мне надо наступить кому-нибудь на хвост, я говорю комплимент, а уж выходит, что выходит.

Габриэль обожгла его возмущённым взглядом и нырнула за остальными в трапезную, забыв попросить принести жезл. Она постоянно забывала что-нибудь на поле, и Филь весь сентябрь приносил её вещи назад. Но скоро у неё завелась такая уйма поклонников, что нужда это делать отпала.

Вдохнув чистого воздуха, Филь решил, что глупо поджидать Яна в комнате, когда можно заняться каким-нибудь делом, – без дела он сидеть не умел. Заметив, что Якоб возится у конюшни с телегой, он из любопытства пошёл туда. С шестнадцатилетним Якобом у него сложились хорошие отношения: Филь время от времени помогал ему что-нибудь чинить, а Якоб приучал его к лошадям, которых Филь опасался.

На телеге, запряжённой молодым жеребцом, лежали новенькие, пахнувшие свежим деревом корыта. Левая оглобля телеги висела, оторванная от колеса. Порванный ремень валялся тут же.

– Неопытный жеребец, гляди, ободрал о воротину, – завидев Филья, пожаловался Якоб. – Ты придержи его, пока я отвяжу вторую оглоблю. Надо чинить, а то мне ещё за капустой тащиться.

Филь нехотя взял жеребца под уздцы. Якоб отсоединил вторую оглоблю от телеги. Конь остался стоять с двумя печально свисающими с него оглоблями.

– Я сейчас, – сказал Якоб и припустил к кузне.

Филь постоял, глядя ему вслед, но держать жеребца ему быстро надоело: тот фыркал и дёргал головой, переступая копытами, недовольный неподвижным стоянием. Не думая, зачем он это делает, Филь обошёл жеребца сзади – тот с надеждой повернул к нему голову. Филь подумал, что жеребцу неудобно стоять с обвисшими оглоблями, и связал их концы обрывком ремня, пропустив его в отверстия, предназначенные для колёсной оси. Конь неотрывно наблюдал за ним.

Филь глянул в сторону кузни: по-прежнему никого. Соображая, что бы ещё такого сделать, он снял с телеги корыто. По его концам были выточены две дыры, столь ухватистые, что сам Один велел пропустить оставшийся ремень в одну из них и крепко принайтовить корыто к связанному оглоблям.

Удовлетворённо оглядев получившуюся конструкцию, Филь сбегал к телеге и забрал плётку Якоба. Потом собрал вожжи в левую руку и забрался в корыто. Живо припомнив своё давнее путешествие в Почтовой кибитке, он решил скопировать грозные интонации всадников гильдии.

– А ну, м-мёртвая! – крикнул он и славно свистнул в воздухе плёткой. – Пошла-а!

Неожиданно для него жеребец всхрапнул, прынул ушами, затем дёрнул и с силой потянул корыто за собой.

– Ой, – сказал Филь.

Не умея править конём, он беспомощно наблюдал, как жеребец заложил по двору вираж и, набирая скорость, вынесся на улицу Колодников.

Филь продолжал крутить плёткой над головой, потому что это помогало ему держать равновесие. Вдоль трапезной он пролетел с такой скоростью, что встречный ветер выдавливал слёзы из глаз. Боясь наскочить на кого-нибудь, он орал как оглашенный слова, которые кричал в тот день возница, пока кибитка не выехала из Кейплига:

– Р-разойдись! Зашибу!

Предупреждение было сделано вовремя: из трапезной высыпало множество народу, едва успевшего отшатнуться от пронёсшегося мимо бешеного экипажа. Краем глаза Филь уловил потрясённое лицо Яна и рядом с ним Мету, хохотающую до слёз.

Корыто скользило устойчиво. А вожжи оказались хорошей подмогой в удерживании равновесия, и Филь выбросил плётку, чтобы не мешала держаться второй рукой. Ему начинало всё это нравиться. Он свистнул по-разбойничьи, как только умел, и конь ещё прибавил ходу. Теперь это напоминало высадку на берег в парусном шлюпе при сильном ветре. Филь зажмурился и услышал злые волны, бьющие по бортам.

Не в силах сдержать восторг в груди, он закричал:

– А-а-а!.. Я-я-о-о!

Тут он вспомнил, что его поджидает впереди опасный риф в виде огромного клёна, растущего посреди площади Обречённых, бросил орать и собрался.

Ветер-конь не подвёл его: они удачно пересекли площадь, и жеребец, довернув, вынес корыто точнёхонько в ворота. Только Филь позабыл, что за ними начинается крутой спуск с холма, и, когда жеребец понёлся быстрее, чтобы не сломать себе шею, он не устоял на ногах и свалился в корыто, чудом удержав вожжи в руках. Мало что видя из-за летящих в лицо комьев земли и снега, он потянул за вожжи, зная, что так можно остановить лошадь. Сбежав с холма, жеребец послушно встал.

Ноги Филя тряслись, когда он поднялся с земли и утёр грязь с лица. Ноги жеребца тоже ходили ходуном, но похоже, что от удовольствия. Гордый за него, Филь бросился ему на шею и расцеловал в улыбающуюся морду. Потом похлопал его по шее и ласково проговорил:

– Я буду звать тебя Ветер!

Жеребец согласно мотнул головой. Тут Филь сообразил, что они стоят посреди игрового поля, – земля вокруг была хорошо вытоптана, а в стороне виднелись колья ворот. Отыскав забытый сестрой Арпонис, Филь сунул его в карман и сказал жеребцу:

– Вот видишь, не зря ездили. Поехали назад!

Забравшись в корыто, он поставил ноги поустойчивей и хлестнул вожжами жеребца. Тот, не отойдя от предыдущей гонки, резво взял с места. Взлетая на холм, Филь в этот раз был готов к изменению рельефа и не упал.

Желая завершить поездку в том же стиле, он ещё хлестнул коня, но забыл про клён. Жеребец тоже про него забыл и, когда увидел перед собой дерево, шархнул от него в сторону. Филь обнаружил себя летящим в воздухе, в последний момент успев прикрыть лицо от ветвей.

Он засветил в ствол с такой силой, что у него чуть не оторвалась голова. Подождав, пока склонившиеся над ним ветви перестанут вращаться, он привстал на руках – и тут в его правый бок словно воткнули нож. Филь открыл рот, чтобы закричать, но мир в его глазах перевернулся, и он очнулся уже в дормитории.

Он лежал на постели, растерянно хлопая глазами, а над ним склонился профессор Иллуги. Его лицо было расстроенным. За его спиной из проёма двери выглядывали любопытствующие общим числом более дюжины. Среди них была почти вся группа естествознания плюс Анна, Мета и Габриэль.

– Голубчик, что же ты? – укоризненно проговорил профессор. – Как же ты так неосторожно ушибся? Управление лошадью – это искусство, а ты, как я слышал, впервые поехал на ней и сразу столь резво. Напрасно, напрасно!

Филь попытался сесть, но профессор мягко остановил его:

– Не стоит себя утруждать! Мадам Багила наложила тебе повязку на грудь, ты умудрился сломать себе два ребра. Я бы посоветовал тебе вести спокойный образ жизни по меньшей мере следующие две недели, а сегодня не стоит даже вставать... На конюшню тоже крайне нежелательно ходить, – профессор печально опустил глаза, – Якоб очень сердит на тебя, хотя я и пытался с ним поговорить. Прошу понять правильно: как человек я ни в коем случае не упрекаю тебя, я ждал чего-то подобного, и твоё двухмесячное воздержание от проказ меня приятно порадовало.

Он заметил удивлённую гримасу Филья и сдержанно пояснил:

– Секретарь Клемент почёл нужным предупредить меня личным письмом.

Секретарь императора г-н Клемент сталкивался с Фильем несколько раз, и каждый раз при несчастных обстоятельствах. То Филь расхряпает зеркало в императорской опочивальне, то перебьёт все вазы в коридоре Кейплигского замка, то прокусит руку начальнику караульной стражи.

– Но как администратор, – продолжал профессор, – я вынужден заметить, что в Алексее нет полноценной медицинской помощи. Это значительное упущение с нашей стороны, однако, пока оно не будет исправлено, я осмелюсь просить тебя воздержаться от поступков, подобных тому, в который ты оказался сегодня вовлечён. Я могу считать, что мы договорились?

Филью ничего не оставалось, как только кивнуть.

– Вот и замечательно! – расцвёл профессор. – Я более не намерен тебе мешать, принимая во внимание, что твои друзья уже давно и тяжело дышат мне в спину.

Он шагнул к двери, и головы исчезли. В коридоре прозвучали голоса:

– Здравствуйте, профессор...

– Извините, профессор...

– Прошу прощения, профессор...

Потом возникла долгая пауза. Наконец послышался сдавленный шёпот:

– Он ушёл!

Следом в комнату хлынули поджидавшие в коридоре, а затем раздался гром аплодисментов. Обступив постель Филья, школяры Алексы хлопали в ладоши, восторженно глядя на него.

– Невероятно, я чуть не умерла от хохота! – сияла Мета.

– В корыте, с плёткой, взгляд какой-то совершенно безумный, – ухмылялась Анна. – И ещё орёт: «Зашибу!»

– Право, Филь, это было потрясающе, – восклицал Ян. – Волосы дыбом, роба как знамя!

Фристл Бристо пробился вперёд и, уважительно пожав Филью руку, сказал, когда крики стали стихать:

– Короче, ты доставил нам сегодня искреннее удовольствие. Я считаю, это должно быть внесено в историю Алексы. Я также считаю, что нам нужно правдами или неправдами, но добыть у Якоба твоё сегодняшнее корыто и... прибить его над дверями этого дормитория! – торжественно воскликнул он, вздёрнув вверх сжатые кулаки.

Комнату потряс рёв одобрения:

– Завтра же приколотим!

Филь сделался малинового цвета и смущённо заулыбался. Габриэль, пробившись сквозь толпу, чмокнула его в щёку.

– Спасибо, братик, за Арпонис, хотя зачем ты отправился за ним так срочно? Я вполне могла и подождать!

Выставив на тумбочку флакон с бурой жидкостью, она строго сказала:

– Тебе это надо выпить, когда все уйдут. Это от Руфины, как раз на такой случай, у меня ещё есть несколько. Это жуткое сердарское зелье, но оно очень хорошо помогает! – прошептала она напоследок и, помахав рукой, испарилась из комнаты.

Выходя за остальными, Ральф Фэйрмон прищурился у порога:

– Фе, а что там ректор упоминал про какое-то письмо? Ты что, близко знаком с господином Клементом?

– Близко, – подтвердил Филь и подумал: «Ближе, чем хотелось бы!»

Ральф язвительно скривился:

– Ну, ты ещё скажи, что с императором знаком!

Нынешнему императору, тогда Мастеру, Филь помог разобраться в машине, установленной на крыше Хранилища. Таким образом, Филь являлся одним из трёх виновников разрушения Хальмстема.

– Знаком, – сказал он. – Тебя познакомить? Двести империалов!

Это была цена за разбитое зеркало, которую вредный Клемент вычел из доступной Филью суммы, когда тот расплачивался за Хальмстем. Ральф покрутил пальцем у виска и смылся.

Оставшись один, Филь склонился на флакон, принесённый Габриэль, но решил его не трогать. Кто знает, что это за зелье. Потом, вспомнив про пыточные записи, он поискал их глазами, соображая, куда Ян мог их засунуть, ведь у него было немного времени. Поёрзав на кровати и почувствовав, как ему что-то мешает, он запустил руку под подушку и обнаружил там всю пачку. Лучшего места было не найти во всей комнате.

Филь знал, что на Яна можно положиться, но сейчас вдруг ощутил странную радость. А ведь когда-то они чуть было не подрались! Филь подумал, что ему будет скучно лежать, пока Хозеки идут по следу Схизматика. И тут словно болезненный пузырь лопнул в его душе, а в голове прояснилось. Ему стало плевать, правы сердары или виноваты и какие у них могут быть счёты к демонам. Ему только хотелось разгадать загадку. С чего он вообще распереживался на пустом месте?

Возжелав побыстрее выздороветь, он, недолго думая, скрутил сургуч с флакона, вытащил зубами пробку и одним махом проглотил содержимое. Едва сумев его проглотить, он упал на

подушку и устался в освещенный закатным солнцем потолок. Скоро он почувствовал, как в его боку нарастает жар.

Жар стремительно распространился по всему телу, но он был не болезненной, а приятной. Потом к нему присоединилось ощущение, будто гигантский медведь мнет Филью в мягких лапах. Сознание у него помутилось, он стал бредить, но скоро его прошиб пот, и он уснул.

Проснулся он глухой ночью оттого, что ему невероятно захотелось есть. Ян спал без задних ног. Филья зажёг на тумбочке свечу и первым делом прикончил остатки засохшего пирога с ревенем. Затем, ощутив, что этого мало, умял все мочёные яблоки.

Вынув кружку можжевелового кваса, он лёг на кровать и только тут сообразил, что рёбра у него больше не болят. Счастливым вздохнув, Филья достал из-под подушки пачку листов, нашёл те, которые утром изучал Ян, и погрузился в чтение.

4

Едва не удавшаяся попытка захвата замка Кейплиг в XI веке вызвала к жизни полномасштабное расследование со стороны сердаров. Его результаты доказывали, что у демонов, не имевших в своей массе высшего сознания, появилась новая сила. Эта сила обладала интеллектом и, что опасней, смело шла на сговор с человеком. Казнь предателя Бергтора была призвана продемонстрировать людям завершение расследования, но на поимку его вдохновителя ушло ещё немало времени...

«История Первой Империи», 2-е издание, репринт «Для служебного пользования», Хальмстемская библиотека

- Тебя выдали люди, почему же ты их защищаешь?
- Они слабые, я прощаю им это.
- У тебя нет сердца, чтобы прощать, зато есть долгая память.
- У меня есть сердце. У меня также есть кровь, пусть не вашего цвета.
- А, это значит, тебя проще убить, чем прочих? Сколько раз тебя надо убить, чтобы ты не воскрес?
- Я живу последнюю жизнь.
- Врёшь, демон, все вы живёте последнюю жизнь... Почему ты вступил в заговор?
- Потому что вы – захватчики.
- Но вы же тоже захватчики!
- Зато мы – не узурпаторы.
- Так ты бьёшься за равные с нами права?
- Я ищу справедливости.
- Да ты сумасшедший!
- Это ваша вина. Вы не позволили нам уйти от места падения звезды.
- Метеорита? Мы не думали, что он опасен, он не опасен для человека. Однако мы дали вам возможность уйти, когда заметили, что он делает с вами.
- Вы выжидали, пока большинство из нас умрёт.
- Ты это говорил людям, чтобы они пошли за тобой?
- Я говорил, что Иные – такие же гости, как все. Гости, не хозяева.
- Ты использовал устаревшую форму, так мы назывались давно. Почему?
- «Древние» придумано вами, чтобы отвести глаза людям. Вы безжалостны, в вас нет ничего общего с людьми, вы другие.
- А «сердар» придумано людьми, что означает «начальник». То есть они выдумали это, чтобы отвести себе глаза?
- В те времена люди не знали вашего настоящего лица.
- Что ещё ты им рассказывал?
- Что они фактически уравнены в правах с демонами.
- А где ты жил до Кейплигской резни?
- В Старом Свете, искал Железную Книгу.
- Чем она вам так важна?
- Она – НАША.
- Как ты проник назад?
- Через Внутреннюю Границу.
- И кто пустил тебя в замок?
- Бергтор.

- Тот самый, который умер с твоей подачи?
- Да.
- Где же ты прятался последние три года?
- Жил на окраине, пас коз.
- Ты не мог жить там долго, иначе бы ты умер. Ты общался там с людьми?
- Да.
- Это там ты научился становиться похожим на человека?
- Я понял, что для людей важно, как ты выглядишь.
- То есть ты – метаморф. Из тех, что живут почти вечно... А как ты сам выделяешь себя среди демонов?
- Я – один из нергалов.
- Что такое «нергалы»? Это вид, род, фамилия?
- Это способ.
- Способ чего?
- Способ существования.
- Ты умрёшь, демон. Ты откроешь мне своё настоящее имя?
- Меня зовут Набезан.

* * *

Филя разбудили удары молотка – кто-то настойчиво лупил им в стену dormитория.

С трудом продрав глаза, он сел в кровати. Он помнил, что засыпал, усыпанный допросными листами, устав от бесконечных диалогов, собираясь на минутку прикорнуть. А проснулся днём в освещенной солнцем постели без листов на ней и под аккомпанемент остервенелых ударов над ухом.

– Готово! – раздался за окном зычный голос Тома Рафтера.

Филь выглянул наружу. Рыжий Том стоял наверху лестницы, прислонённой к стене у окна, и любовался на приколоченное корыто. Увидев Филю, он сказал:

- Проснулся?
- А как же!
- Нравится?
- Нравится, – сказал Филь. – А сколько сейчас времени?
- Полдень доходит, обед уже скоро.

Филь помахал на раздавшиеся снизу приветствия и стал собираться на обед. Он был готов слопать кита.

Едва он сел на своё место в трапезной, Ян проговорил негромко:

– Мы отнесли назад то, что взяли вчера. Достаточно потратили времени на это, да и ты читал всю ночь. Кстати, ты пришёл к какому-нибудь выводу?

Уткнувшись носом в тарелку, Филь пробурчал:

– Я считаю, Схизматик собрался оживлять мертвецов.

Ян хмыкнул удивленно:

– Должен заметить, неожиданный вывод... Хорошо, обсудим это после!

Руки Филя не поспевали за его ртом. Колбаски из крупно порубленного мяса и сала, щедро сдобренные чесноком и перцем, исчезали в нём одна за другой. Они были прожарены до золотистых прозрачных бочков, сквозь которые заманчиво просвечивало душистое, пропитавшееся приправой мясо. Заедая их квашеной капустой и малосольными огурчиками, Филь разве что не урчал от удовольствия.

Скосившись на него, Ян спросил с усмешкой:

– Выздоравливаешь?

– Кажется, – ответил Филь.

– Не откроешь секрет, что за отравка у тебя на тумбочке?

– Какая-то сердарская дрянь, Габриэль принесла, – промычал Филь.

Ребра его больше не беспокоили, только повязку он ещё не снял.

– Поосторожней с этим, – сказал Ян. – Сердарам частенько плевать, как это скажется на людях. Считается, что их оружие – это Арпонис и меч-серанд, в то время как их главное оружие – это гербология. Ты жил в Хальмстеме, должен был видеть поля жёлтого иссопа, это сердары его вывели. Когда-то демоны захватили Хальмстем, и сердары сразу засеяли местность вокруг него иссопом и другими цветами. Народ потешался над ними, пока демоны не принялись умирать в замке от голода. Они умирали в нём сотню лет, но не сумели пересечь границу. Только построив под замком Внутреннюю Границу, они сумели сбежать в Старый Свет.

Филь нахмурился, вспоминая окрестности Хальмстема: он не видел там границы из жёлтого иссопа. Поляны там были, но поля начинались далеко от замка. Дожевывая ломоть хлеба, он с сомнением посмотрел на Яна.

– Всё правильно, – кивнул тот, – сейчас его мало около замка. Слишком много народа сопливит от него весной, и от него избавляются. Я знаю, потому что в нашем поместье в Меноне было так же когда-то.

Филь вдруг осознал, что в него уже ничего не помещается. Он устал даже жевать.

– Серанд, – с трудом выговорил он, вспомнив свои попытки с Ирением понять, из чего этот меч, – ты не знаешь, его куют или отливают в форму? Он на сломе как стекло.

– Право, не знаю. Но, поскольку я слышал кое-что о сердарах, могу предположить, что они выращивают его как дерево.

По окончании обеда, разрываясь между желаниями пойти поспать и посмотреть на игру в юку, Филь выбрал второе. Он сам бы с удовольствием сыграл, но в первой линии участвовали только сложившиеся команды, а Филь не входил ни в одну из них. Сегодня была игра первой линии, то есть тремя командами.

Правила в игре были несложные. Поле представляло собой треугольник, каждая сторона которого составляла пятьдесят шагов. Найденную в лесу юку выкапывали, сажали в горшок и приносили в центр поля. Три команды по пять игроков занимали места в углах треугольника.

По углам располагались ворота, представляющие из себя ивовый прут, вшитый в горловину холщового мешка. Концами прут привязывали к двум кольям, вбитым в землю.

За воротами находился ловец, от которого требовалось поймать юку, если она пролетала мимо. Команда, упустившая юку, считалась проигравшей и выбывала из игры.

В пяти шагах от ворот выстраивались защитники. Один из них, самый ловкий, был подающим. Команда, получившая право подачи по жеребьёвке, должна была сдёрнуть юку с горшка и забить её в ворота, находящиеся справа от них. Для этого можно было использовать «петлю» на Арпонисе и метнуть юку, как камень из пращи, или вздёрнуть её «петлёй» в воздух, а потом ударить по ней «стрелком». Второй способ обычно посылал её к воротам с такой скоростью, что шансов отбить её было мало, но и промахнуться было легко.

При промахе, то есть потере подачи, право подавать переходило команде, по воротам которой только что били. Ловец этих ворот кидал юку своему подающему, и тот пулял её в следующие от него ворота по часовой стрелке. Хотя ворота не находились друг напротив друга, игре помогало то, что юка всегда и неизменно неслась по дуге, закручивающейся вправо. Если она не находила цель, то продолжала лететь по сходящейся спирали. Достигнув её центра, она выстреливала вверх и улетала, хотя чаще лопалась в сотне шагов от земли.

Остановить «свихнувшуюся» юку можно было с помощью другого значка на Арпонисе – «снежинки», но это разрешалось только судье. Тут требовался немалый опыт, потому что юку было легко заморозить и она теряла живость. Как Филь прочитал в пыточных записях, сердары

в незапамятные времена часто пользовались этим, «замораживая» демонов, находящихся на грани смерти, для последующего изучения.

Юка также могла свихнуться, если ею долго пасовать. Она начинала лупить по голове последнего игрока, который её отбил, с каждым разом взлетая выше, а потом или лопалась, или улетала. Тут её уже не рисковали останавливать, ибо «снежинка» действовала на человека тоже и угодившему под такой луч грозил временный паралич.

Если команда попадала в ворота, ей начисляли десять очков, но право подачи переходило к следующей команде по часовой стрелке. Зато тот, кто забил гол, мог занять место в центре поля. Оттуда было легче перехватить юку и метнуть её в любые ворота по выбору, за что команда получала пять очков. Однако если юка свихивалась, подающего удаляли с поля.

Команда, которой забили гол, теряла своего ловца, и на его место вставал один из защитников. Стоп-игра объявлялась, когда в какой-либо из команд не оставалось игроков. Габриэль заработала славу как раз за то, что несколько раз осталась одна и всё же умудрилась завоевать победу. Таковы были правила игры первой линии, которую пришёл смотреть Филь.

Матч судил профессор Като Иллуги. Школяры поначалу отнеслись к нему несерьёзно – что этот дедуля может понимать в игре! – и часто спорили с ним, иногда горячо. Но ещё не было случая, чтобы тихо и вежливо он не доказал им правоту своего решения.

Профессор стоял на холме среди толпы болельщиков, держа в одной руке судейский Арпонис, другую положив на набалдашник шеста, который торчал из железной бочки с множеством дырок. Эта штука называлась флютиг и заменяла собой свисток, которого часто не слышали.

«БУМ-М!» – прокатился по полю низкий вибрирующий гул, когда ректор толкнул шест от себя.

Юка взмыла из центра поля и метнулась к воротам, мешковина которых была выкрашена в красный цвет. Защитники ворот нацелились на неё, пытаясь отбить, но хитрость состояла в том, что чем больше лучей нацелено в юку, тем слабее она реагировала, зато могла быстро свихнуться.

Затормозив перед линией защиты, шар провернулся винтом и метнулся к одному из защитников. Сбитый наземь, тот выронил жезл, а неугомонный шар свалил второго. Остальные в испуге опустили жезлы. Юка, вращаясь, зависла перед незащищёнными воротами, и противная сторона тут же этим воспользовалась.

«БАМЗ!» – повис над полем звон, когда ректор дёрнул шест на себя.

Это был сигнал конца подачи. Ловец команды угрюмо пошёл с поля, его место занял один из защитников.

– Остолопы! – закричали с холма. – Вам не жезлами играть, а дровами, больше пользы!

Новый ловец пнул по мешковине ворот и юка вылетела из них на поле. Подающий отпасовал её к жёлтым воротам, откуда её отбили с таким пылом, что шар опять угодил в красные.

– Ротозеи! – завопили болельщики и завывли: – У-у-у! Валите с поля, дайте другим поиграть!

Красноворотники обиделись и, достав юку, пнули её в сторону «жёлтых», к которым перешла подача. Подающий «жёлтых» не растерялся – подцепив юку жезлом на лету, он подтянул её к центру поля и так ударил по ней «стрелком», что шар со всхлипом вспорол воздух по направлению к зелёным воротам.

– Ах-х-х! – вскричала толпа на холме.

У «зелёных» с этого фланга стояли двое игроков: Габриэль в центре и Титу с Десмонд с краю.

Габриэль взвизгнула:

– Мой! Вот вам!

Отбитая ею юка понеслась назад. Дальше случилось то, что часто бывало, когда в игре сходились Габриэль и Харпер Атли, невысокий, узкоплечий, но шустрый подающий у «жёлтых». Юка стала носиться между ними, с каждым ударом набирая скорость, всё быстрее и

быстрее, так что её стало трудно разглядеть. Она вот-вот должна была свихнуться, а свихнувшаяся в самом начале юка ломала игру.

Когда она опять неслась к «зелёным», Титус крикнул Габриэль:

– Беру!

Он схватился за шар «петлёй». Озверевшая юка, изменив направление, ринулась на него. Толпа на холме пришла в движение:

– О-о-о!..

Юка летела слишком высоко, не попадая ни в Титуса, ни в ворота. Если ловец не поймает её, она угодит в середину болельщиков.

«БАМЗ!»

Шар свалился к ногам ловца «зелёных»: ректор успокоил его точной дозой из Арпониса. Габриэль утёрла пот с красного лица, дожидаясь, пока юка придёт в себя.

Едва ловец «зелёных», ушастый и прыщавый Марисол Мирро, снова послал юку к центру, Габриэль цапнула её и, размахнувшись, будто шар был у неё на конце бича, с первого удара забила гол в красные ворота.

– У-у-у! – опять завывли на холме. – Это неинтересно!

Филь тоже потерял к этому интерес. В игре было что-то не так: слабейшая команда постоянно вылетала в самом начале, и игрокам приходилось начинать игру второй линии, то есть двумя командами. С другой стороны, сегодня за «красных» бился Фристл, а он играл не хуже, чем Габриэль. Может, он ослеп? Филь посмотрел на солнце. У него зачесалось в носу от предчувствия разгадки.

– А как вчера сыграли «жёлтые»? – спросил он у Бенни Тендеки, кусавшей рядом губы от отчаяния.

Злая, что команда, за которую она болела, проигрывает, Бенни бросила со злорадством:

– Так же, как сегодня «красные»!

– А они играли тем же составом?

– Тем же!

У Филья больше не осталось сомнений.

– Юку не видно в прямых лучах солнца! – заорал он, стараясь, чтоб его услышал профессор Иллуги. – Её не видно в лучах солнца!

К нему обернулись несколько человек, на их лицах читалось недоумение. Кто-то приснул от смеха.

Ян одёрнул его:

– Чего орешь? Юку, как любого демона, непросто заметить в лучах солнца, ничего нового ты не открыл.

– Ты не понял! – Филь не думал успокаиваться. – Если знаем, что сломано, можно придумать, как починить!

– Вот и придумай, – сказал ему Ян.

– И придумаю! – упрямо набычился Филь.

Профессор Иллуги бросил на него заинтересованный взгляд, словно ожидая, что тот прямо здесь родит ему решение. Кто-то из «жёлтых» бросился с кулаками на «красных», потому что те не хотели отдавать юку, и тут Филь сообразил.

– Надо при ротации подачи делать ротацию команд, но в другую сторону, – заявил он Яну. – Ну что, съел? Тогда солнце будет светить им попеременно и шансы уравниются!

Не глядя на Филья, Ян усмехнулся:

– Ты замечал, как они путаются, чья подача? А ты предлагаешь место менять.

В этом был резон: команды действительно, бывало, путались, кому подавать. И всё-таки Филь чувствовал за собой правоту.

Профессор Иллуги опять оглянулся.

– Ты, голубчик, подумай, что будет, если два равносторонних треугольника с общим центром вращать в противоположные стороны.

Теперь уже Филь закусил губу. В тригонометрии он плохо соображал, ему мешала абстрактность линий. Как можно думать о вещах, которых не существует? К примеру, о границе между чёрной и белой плоскостями, о которую он бился вторую неделю. Филь плюнул на абстрактность и заменил треугольники парусами. Не веря себе, он поворачивал их так и сяк, и каждый раз у него получалось одно.

– Угол подачи станет постоянный! – завопил он. – Подавать будем всё время из одного угла, и лишь команды будут бегать по кругу!

Филь орал радостно ещё потому, что теперь он знал ответ, который требовал от него Лонерган. Ян скривился от его крика, но затем призадумался.

– Яри-яро, – уважительно пробормотал он. – Ну ты настырный!

– Только нам понадобятся названия командам, потому что цвета останутся зафиксированными за воротами. . . – Это был снова профессор Иллуги. – Ещё я бы осмелился предложить ограничить время перехода команд, скажем, одной минутой для пушшего интереса.

– И второй состав занять бы неплохо, – сказал Ян, – а то пятерых надолго не хватает.

– Как вам будет угодно, – согласился ректор. – Тогда начинайте нести слово в массы, а в следующие выходные мы попробуем сыграть по-новому. Пока же. . .

Он толкнул железный шест от себя.

«БУМ-М!» – прокатился по полю вибрирующий гул, и игра возобновилась.

Остаток воскресенья Филь провёл в приподнятом расположении духа. По окончании игры он присоединился к игрокам, возвращавшимся в Алексу, рассказал им о предложении ректора, и они договорились собраться на неделе обсудить новые правила. Их надо было опробовать до наступления морозов: юка, многолетнее растение, впадала на зиму в спячку. Правда, оставались другие развлечения: стоило образоваться крепкому льду на протекающей у холма речке, к ней можно спускаться на санях, а ещё можно было гонять по полю мешок, набитый конским волосом, стараясь запнуть его в ворота. В общем, с наступлением зимы тут тоже было чем заняться.

После ужина четверо друзей снова собрались в той же комнате.

– Итак, с чего ты решил, что Схизматик собрался оживлять мертвецов? – без обиняков спросил Ян у Филья.

– Интересно, как ты пришёл к такому выводу, – добавила Анна.

– Мы читали одно и то же, как ты додумался до такого? – поинтересовалась Мета.

Филь улыбнулся:

– Мне это приснилось!

– Перестань, – сказал Ян. – Сейчас не до шуток.

Анна взмолилась:

– Отвечай серьёзно!

– Мы и так целый день ждали, пока ты насладишься игрой, – произнесла Мета укоризненно. – Там кругом торчали любопытные уши, в особенности потому, что после вчерашнего дня ты приобрёл известность, и в трапезной не поспрашиваешь об оживших мертвецах. Кстати, Палетта сегодня назвала тебя красавчиком.

«Быстро она сменила галс, – подумал Филь не без удовольствия. – Надо почаще кататься на корыте!»

– Она сказала, что курносый нос тебе очень идёт, – поддела его Анна.

Филь смутился и воскликнул:

– Да поиск той субстанции, что превращает в демона! Ну вы же читали, они её нашли!

Ян несогласно качнул головой:

– Ничего подобного.

– Филь, не выводи меня из себя, – угрожающе проговорила Анна.

Ян засмеялся:

– А то, пока ты спишь, она тебя наголо побреет!

– Я боюсь мертвецов, – сказала Анна.

– Филь, она это сделает, – подтвердила Мета. – Будь осторожен. Лучше выкладывай всё, что знаешь.

Он удивлённо уставился на них:

– Вы же это читали! Бергтор, которому отрубили голову, и Бергтор, который умер от велары. Два умерших Бергтора и один связанный с ними нергал, а так не бывает. Что сделал Бергтор, которого казнили? Стоя на посту у Преддверия, провёл в замок демонов через Внутреннюю Границу, помог им перебить в Хальмстеме охрану, передал демонам Железную книгу, а те с её помощью открыли путь в Библиотечную башню Кейплига. Но случилась осечка: недобитый сердар отправил сокола в Кейплиг, и там, пока демоны мотались по башне, замуровали внутреннюю дверь. Отряд не смог покинуть башню и вышел наружу, где был перебит. Так?

Филь познакомился с Железной книгой, пока жил в Хальмстеме. Она была в самом деле сделана из железа или чего-то похожего и была способна открывать проход откуда угодно в хальмстемское Хранилище, в Западную башню и в Запретные Земли – место, куда упал метеорит. Это Филь знал, но из допросных листов он также узнал, что книгу сделали демоны в попытке сбежать от упавшего на их резервацию метеорита. Сердары заперли их, не понимая, с чего они взбесились, и только когда в тамошних местах стали попадаться большие звери, сообразили, что дело в метеорите, и позволили демонам переселиться в другое место.

– Так, – согласился Ян.

– Ты про мертвецов давай! – напомнила Анна.

– Этот Бергтор был мертвецом, – убеждённо проговорил Филь.

Анна вылупилась на него, потеряв дар речи, на её лице читался протест.

– Не было там ничего про это, – возразила Мета решительно.

– Почему «этот» Бергтор? – негромко спросил Ян.

Фил покопался в памяти, припоминая детали.

– Потому что был другой Бергтор, который умер, заразившись веларой. Сердары подозревали, что он набрёл на неё сам, желая стать сверхчеловеком. Ну, они его допросили, не сумели выходить и похоронили. А в допросном листе нергала после казни Бергтора был вопрос: «Тебя впустил в замок тот Бергтор, который умер?»

– Я помню этот вопрос, – сказал Ян. – Я подумал: тот, которого казнили.

Мета несогласно покачала головой.

– Сердар не станет путать «казнён» и «умер», у них в вопросах смерти точная терминология. Вспомни их «Историю Заселения», которую приносил отец!

Анна вздохнула:

– В общем, Филь, ты связал их... Увидел, что демонов впустил Бергтор, который раньше умер, и тебя стукнуло. А коли обе его смерти крутятся вокруг демонов, то кто его оживил, как не демон. Ну понятно... А когда жил этот твой второй Бергтор?

– Тогда же, когда первый, триста лет назад, – сказал Филь.

– А, тот! – облегчённо воскликнула Мета. – Но мы думали, что это один и тот же!

– Да, Филь, это ты ахиною спорол, – сказала Анна, снисходительно улыбаясь.

Филь разгорячился:

– А вы просмотрите всю пачку за раз, как я это сделал! Большею части записей там по восемьсот лет, и вдруг среди них – листы с Бергторами. Вот ответьте мне, зачем Схизматику сцеплять их вместе?

Ян нахмурился, Анна с Метой спали с лица. Все трое выглядели так, словно кто-то умер.

– Чтобы узнать, как оживлять мертвецов! – хором ответили они замогильными голосами.

5

Не лишённый дисциплины ума, Флав позволил себе забыть, что значит быть ребёнком.

В особенности ребёнком с пытливым мышлением, которых, в большинстве своём, он набрал в Алексу...

*Янус Хозек, из манускрипта «Биография предательства»,
Библиотека Катаоки*

«Нам что, всё это приснилось?» – разочарованно думал Филь, глядя на профессора Фабрициуса, появившегося в понедельник на занятиях после обеда.

Профессор был свеж и бодр. Припомнив, как он сам чувствовал себя после двухчасовой скачки в почтовой кибитке, Филь совсем растерялся.

«Деревянный демон», – подумал он, сунув руку в карман робы за Арпонисом.

Мёртвые глаза собаки на жезле разрушили часть «деревянной» гипотезы. А Схизматик доломал её своим видом: судя по цветущему цвету лица, он был сделан из плоти и крови. К тому же сегодня он был необычайно добр, а с добрыми демонами Филью не доводилось сталкиваться.

Профессор похвалил Филью за полную ахинею, которую тот написал о лечении ангины (растерев свиной навоз с мёдом, намажь грудь горячим и избегай сквозняков) и попросил на следующее занятие сравнительный анализ способов лечения насморка.

Филь решил, коли его фантазии приносят такие барыши, не терять времени и воспользоваться испытанным средством, заменив свиной навоз на козий, чтобы не бросалось в глаза. Сравнение должно было происходить с вариантом добавления дёгтя. Мёд с навозом и дёгтем должны были лучше действовать, только Филь не придумал ещё почему. Вдохновлённый, он успел к концу занятия набросать черновик, чтобы вечером бросить все силы на работу для Лонергана, которую надо было сдавать через два дня.

Он провёл день в приподнятом настроении, которое не удалось испортить даже профессору Иллуги с его абстракциями. За ремарку на игровом поле профессор отпустил его со сложной контрольной, которой все боялись как огня. Таким образом освободившись раньше времени, Филь радостными скачками понёсся в dormitorio, решив не откладывать естествознание в долгий ящик и успеть сделать часть работы до ужина.

Пролистав раздобытую в библиотеке книжку Роджера Бэкона, он догадался, почему профессор Лонерган уважает этого учёного. Сам Лонерган крайне отрицательно относился к Аристотелю, считая его тормозом науки, и за критику его учений был даже изгнан из университета Болоньи. Роджер Бэкон пошёл дальше: он, не мудрствуя лукаво, заявлял, что «если бы мог, то сжёг бы все сочинения Аристотеля».

Филь спустился вниз и снял с наружной стены dormitorio масляную лампу, чтобы по совету из книжки провести эксперимент. Заслуженного корыта на стене не оказалось, и он решил, что Якоб передумал и забрал свою собственность.

Вернувшись, Филь открыл окно: печь внизу затопили, и в комнате сделалось душно. Игра с тенями от свечи и лампы заняла у него время до ужина, и он спохватился, только когда услышал за окном голос Яна:

– Я вынужден, к своему сожалению, объявить тебе, что ты свинья!

Филь кинулся к окну: интонации Яна свидетельствовали, что тот опять собрался дергать волка за хвост. Но это оказался не волк, а всего лишь Ральф Фэйрмон. Филь поёрзал, устраиваясь поудобней на подоконнике.

– Не тебе, Хозек, учить меня манерам, – воскликнул Ральф уязвлённо. – Мой род куда древнее твоего, мы здесь чуть ли не с самого Основания!

Ян спросил потрясённо:

– Так ты один из тех сердаров, о которых так много говорят? Это ведь они здесь с самого Основания, все прочие были пригнаны ими из Старого Света как расходный материал для борьбы с демонами.

– Не сердар, но тоже из породистой семьи, – вспыхнул Ральф. – И нас не гнали, мы сами пришли!

– Слово «тоже» здесь будет излишним, – поправил Ян. – Сердары никого не делят по породе и тут старались это изжить, но, видать, в твоём случае они потерпели поражение. Что лишний раз доказывает, что порода ещё не признак ума, – он снисходительно усмехнулся, – скорее его могила!

Наслаждаясь сценой, Филь подпер лицо ладонью. Фэйрмон так смешно пыжился, что он не удержался и прыснул.

Ральф бросил взгляд на открытое окно и пошёл на Яна в атаку.

– Хозек, – рыкнул он раздражённо, – я тебя предупреждаю: будешь задевать мою семью, дело для тебя кончится трёпкой! И дружок твой тебе не поможет, чьё корыто я снял по указанию ректора!

– Трёпкой? – отозвался Ян, пропуская всё остальное мимо ушей. – Не сильно ли сказано?

Филь решил, что сцена зашла далеко, с сожалением оторвался от подоконника и поторопился на улицу.

Пока он бежал, распределение сил изменилось: теперь против Яна были Ральф и Курт Норман. За Яном, однако, тоже прибавилось сил: Мета с Анной стояли, приблизившись к нему вплотную с обеих сторон, как в день, когда Филь сам чуть было не подрался с их братом.

– Эй, – крикнул им Филь, шагая с крыльца. – Эй, вы что, собрались драться? В колодце мало места для всех, давайте перенесём это на другой день. Тогда и я смогу поучаствовать!

– Да с тобой драться никто не будет, безродный, – презрительно отозвался Курт.

Выпятив челюсть, Филь схватил его за грудки. Ян произнёс с досадой, положив Филю руку на плечо и побуждая его отпустить Курта:

– Ты крайне любезен, дорогой друг, но, застань я тебя дерущимся, могу уверить, что не стал бы тебе мешать. Не мешай и ты нам!

– Филь, это очень невежливо, – недовольно произнесла Мета.

– Мы ещё даже не закончили с личными оскорблениями, – заметила Анна плотоядно.

– Что ты насакиваешь на приличных людей, иди своей дорогой! – влез Ральф. – Твоё корыто только предлог, у нас тут старые счёты!

Филь сунул ему под нос увесистый кулак:

– Старые или новые, я не уйду! Не тебе решать, с кем мне драться, захочу и врежу!

Ральф скривился:

– Этого ещё только не хватало. Иди-ка ты лучше поужинай!

Потянув Ральфа за собой, Курт двинулся к dormitorio:

– Ладно, оставим! Этот невежа всё удовольствие испортил. Пойдём!

Филь гыкнул: Курт не блистал ничем, кроме талантов прятаться в тринадцатых рядах.

– А ты-то что умеешь делать, что обзываешь других невежами? – рассмеялся он.

Курт бросил в его сторону злобный взгляд. Когда они скрылись в дверях, Мета поворотилась к Филю.

– Ты вёл себя неотёсанно и неприлично, – сказала она горячась. – Мы хорошо знаем твою историю, тебе нет нужды доказывать нам своё мужество!

Близнецы Хозеки принадлежали к ограниченному кругу людей, кто читал допросный лист Филя, написанный имперским эмпаротом три года назад.

– Право, сестра, ты придираешься к нему, – сказал Ян. – Ему позволено не знать подробностей наших отношений с остальным миром. Он увидел, к чему идёт дело, услышал про корыто и побежал вниз. Он подумал, что это из-за него, а потом не смог остановиться, потому что... Ну, потому что он такой.

– Была мне нужда что-то доказывать, – с обидой пробормотал Филь, краснея. – Тогда придумайте знак для меня, чтобы я в следующий раз не сомневался.

Анна снисходительно похлопала его по рукаву:

– Филь, когда мы стоим стенкой, как сегодня, значит, мы считаем, что это семейное дело, и лучше никому не вмешиваться. Если поодиночке, значит, это уже личные дела, и ты можешь помогать, кому захочешь. К примеру, если я завтра отгаскаю твою сестру за косы и она побежит за мной с топором, это будет моё личное дело. А дело моих родственников здесь будет решать – спасать меня или нет.

– И не подумаю, – быстро отозвалась Мета.

– Я тоже пас, – сказал Ян.

– Принцип понял? – ухмыльнулась Анна.

Филь недолго размышлял над этим.

– Это только у вас или везде так?

– Только у нас, – сказала Анна. – Защитная реакция на окружающий нас мир в Меноне. Ты многого о нас не знаешь, но самое главное, что нашего папу считают сумасшедшим.

Тут Филь вспомнил отвращение, которое выказала однажды Лентола при мысли, что ей придётся останавливаться в Меноне.

– Хозеки! – воскликнул он, вытаращив на них глаза. – Так вы что, те самые? А как вам удалось так сильно прищемить хвост моей названной старшей сестре?

Трое близнецов переглянулись, затем Мета нехотя сказала:

– Папа один раз назвал её в лицо пересушенным манерным марро.

Филь согнулся от хохота пополам:

– Как? Пересушенное марро? Так ведь это она, Лентола!

Сушёное мясо червя марро сохраняло радостно-розовый цвет и было настолько безвкусное, что Филь на дух его не выносил. Это была еда отчаявшихся найти нормальную пищу.

– Похоже, что так, – сказала Мета. – Но правда в данном случае оказалась неуместной и навсегда отвернула от нас ближайших соседей, то есть твою семью. Филь, ты бы пошёл оделся, здесь холодно. Потом, ты, по-моему, не ужинал.

Прошёл час, как Алекса погрузилась во мрак, и её улицы начинали пустеть. Если Филь хотел застать в трапезной что-нибудь съедобное, надо было торопиться.

– Ничего со мной не сделается, – сказал он. – Ян, а ты ужинал?

Как оказалось, Ян тоже не был в трапезной, и они вдвоём поспешили туда. Успев застать на столах кастрюли с кашей, пусть остывшей, двое друзей вышли обратно в темноту, где Ян вдруг повернул к профессорскому жилью.

– Давай-ка навестим профессора Иллуги, – сказал он.

– Зачем? – спросил Филь с опаской: мысль навещать ректора Алексы в этот час его не грела. – Он уже спит, поди!

Он замёрз в своей рубахе и жалел, что не послушался Мету. Ян показал на светящиеся окна в доме, стоявшем в ряду – стена к стене – с другими.

– Окна горят. Пошли!

Ректор собирался ложиться спать и встретил их в длинной ночной рубахе с колпаком на голове. На кончике колпака болталась смешная кисточка.

– Голубчики, свет мой, Один с вами! – воскликнул он с порога. – Что вы делаете на улице в такой час?

Ян, закрыв за собой дверь, сказал, не проходя в прихожую:

– Извините, профессор. Ральф Фэйрмон сообщил нам, что вы дали указание снять со стены нашего дормитория давешнее корыто. Это так?

– Какое корыто? – удивился профессор, переступая тощими ногами на полу прихожей и поджимая пальцы. – А, то самое, в котором стоящий рядом с вами хулиган носился по Алексею? Да, я говорил с ним об этом, но никакого распоряжения я не отдавал. Бедный юноша, видимо, решил проявить инициативу в ответ на мою скромную ремарку о том, кто мог додуматься до такой безвкусицы. А что такое, что ещё случилось с тем корытом?

– Мы хотели бы повесить его назад, – заявил Ян.

Профессор опешил.

– Ну что ж, ну что ж, – пробормотал он после короткой паузы, – в конце концов, в Старом Свете есть Орден Подвязки, тоже интересная деталь туалета. Вешайте, голубчики, если хотите, я совершенно не против! У вас есть ко мне ещё какие-нибудь... э-э... дела?

– Нет, профессор, спасибо большое, – сказал Ян.

Ректор глянул им вслед напоследок и закрыл за собой дверь.

На следующий день Ян собственноручно приколотил корыто обратно. Филь не мог ему помочь: он боролся с простудой, которую заработал накануне. Из его носа текло, глаза щипало. В отчаянии от предательства организма он обозлённым демоном метался по комнате, не в силах думать ни о чём, кроме как побыстрее выздороветь. Даже на улицу он не мог выйти – в носу сразу начинало свербеть с удвоенной силой. День был солнечный, но очень морозный.

К обеду Филь не выдержал и, дождавшись Яна из трапезной с тарелкой еды, взмолился:

– Попроси Габриэль принести мне сердарской отравы, я так больше не могу!

Ян пообещал и, вручив Филью тарелку, достал из кармана робы флакон тёмного стекла.

– Выпей это пока, а то ты скоро доломаешь нашу последнюю мебель.

Под мебелью Ян имел в виду табурет, о который Филь то и дело спотыкался в своих метаниях. На флаконе было написано: «Успокоитель».

– Где раздобыл? – спросил Филь, вытаскивая пробку и принюхиваясь: пахло приятно.

– Конечно, у Схизматика, – ответил Ян. – Стащил в перерыве. Мне показалось странным, что он держит его под рукой. Я подумал, что он мог именно с него стать таким добрым, и хочу проверить, что будет, если лишить его этого.

Филь отпил из флакона: вкус был ничего. Почувствовав себя лучше, он напомнил:

– Ну, ты всё-таки не забудь попросить Габриэль!

После ухода друга он устроился страдать на постели, но лежать ему быстро надоело. Вскочив на ноги, он поворошил на подоконнике в поисках тетради, в которой начал работу по естествознанию. Обнаружив свой черновик для Схизматика, Филь расхохотался, представив, на что стал бы похож, вымажись он горячим навозом с дёгтем. Хотя смердеть такая смесь должна невероятно, и, как результат, его нос сразу бы прочистился.

Поняв, что нашёл недостающее звено в сравнении двух рецептов, он переписал черновик начисто и с разгона занялся естествознанием. Но едва закончил длинную работу для Лонергана, как почувствовал такой упадок сил, что опять растянулся на кровати. Его нос невыносимо жгло, в груди перхало и скрипело. С ненавистью глянув на Успокоитель, который только усилил его болезнь, Филь задвинул начатый флакон в тумбочку – подальше от глаз.

– Твоё зелье взбадривает на пару часов, а потом только хуже делается, – просипел он, завидев Яна, явившегося после занятий.

Следом за ним в комнату ворвалась Габриэль.

– Взбадривает? – переспросил Ян, но был перебит говорливым вихрем.

– Ой, Филь, какой ты балбес, ну честное слово! – затараторила Габриэль, одновременно стаскивая с себя робу, вынимая из её карманов какие-то флаконы, баночки и водружая всё это на стол. – Как тебе пришло в голову отправиться гулять без робы? Хоть ты и аскеман, но ты всё время жил в Неаполе, ты просто не знаешь, что такое настоящий мороз. А ведь это только

начало, в январе выйдешь так голым на улицу и останешься без пальцев и ушей! Принеси мне ведро с горячей водой, которое я просила поставить на печку, – без паузы обратилась она к Яну, и тот с видимым облегчением покинул комнату.

Собрав косы в пучок на макушке, Габриэль засучила рукава платья и вытряхнула из двух баночек в миску из-под мочёных яблок что-то резко пахнущее. Энергично перемешав содержимое, она подступила с этим к Филю.

– Это редька пополам с тёртым хреном, должно помочь. Мёда нет, так что я просто посолила, тебе надо всё это съесть, пока ты вообще можешь глотать. У тебя глаза как у кролика, и ты весь дрожишь, вот матушка тебя не видит, а то б она дала тебе по шее! Воистину, с кем поведёшься...

Габриэль метнула гневный взгляд в сторону появившегося Яна с ведром. Редька с хреном прожгли внутренности Филя до самого копчика.

– А сердарского зелья нет? – жалобно спросил он и бурно закашлялся. На его глазах выступили слёзы.

– Филь, не болтай глупостей! – сказала Габриэль, принимая у Яна ведро, от которого валит пар. – Простуда – это не поломанные кости, тут нет секретов. Девясил, почки сосны, цветки ромашки, листья мяты – всё это у меня есть в настое, а больше тебе ничего не нужно. Ну и камфару на ночь в нос!

Она придвинула ведро к кровати и, заметив, что Филь не горит желанием класть в рот вторую ложку её месива, упёрла руки в бёдра и уставилась на него в упор.

– Филь, мы теряем время! Тебе ещё предстоит делать инга... ингаля...

– Ингаляцию, – чуть слышно подсказал Ян, который застыл статуей на максимально возможном расстоянии, между своей тумбочкой и дверью.

– А тебя вообще не спрашивают, это ты во всём виноват! – оборвала его Габриэль, живо повернувшись к нему.

Её щёки заметно порозовели. Почуввав угрозу скандала, Филь в два приёма проглотил содержимое миски. Слёзы из его глаз полились ручьём.

– Молодец! – похвалила его Габриэль. – А теперь...

Забрав у него миску, она плеснула в ведро из самого большого флакона. Мощный запах трав разом наполнил комнату.

– Наклоняйся и дыши!

Когда Филь склонился к обжигающему паром ведру Габриэль накрыла его одеялом с головой.

– Попробуй только завтра не выздороветь, – проворчала она, и Филь проглотил готовые сорваться у него слова возмущения.

Вдыхая вонючий пар, он думал, что не заметил, как Габриэль выросла в Руфину от которой тоже не было спасения, когда она принималась его лечить.

Отняв голову от остывшего ведра, он увидел, что сестра читает его работу для Лонергана, сидя на табурете. Или, скорее, делает вид, что читает, игнорируя таким способом Яна, который, не отлипая от стены, иронически смотрел на неё.

Наморщив лоб, Габриэль сказала:

– Полная скука это ваше естествознание, не то что медицина. В жизни никогда не буду этим заниматься!

Она положила листы обратно на подоконник и потрогала воду в ведре.

– И слава Одину, – вырвалось у Яна.

Габриэль только фыркнула высокомерно. Она помогла Филю забраться в постель и укрыла его одеялом до подбородка. После чего засунула ему в обе ноздри по кусочку тряпки, смоченной в камфаре, мимоходом стукнув его по рукам, когда он хотел воспротивиться.

– От этого не помрёшь. Дыши ртом!

Третий раз за вечер у Филя густо потекли слёзы. Он услышал, как зазвенели собираемые со стола склянки, затем хлопнула дверь.

Осенённый надеждой, он прогундосил:

– Ушла?

– Ушла, – выдохнул Ян с облегчением.

Филь выдернул тряпки из носа, внутри которого, казалось, развели костёр. Ян, замерев у стены, задумчиво смотрел на дверь.

– Эту девушку, – проговорил он, словно отходил от тяжёлой болезни, – надо засылать в стан врага для его морального устрашения... – Он потряс головой. – Дай мне, пожалуйста, своего Успокоителя, а то твоя сестра настолько меня утомила, что я еле стою на ногах. А мне ещё четыре работы писать!

– В тумбочке, – сказал Филь, которого стало сильно клонить ко сну.

Четыре работы Яна означали, что тот будет сидеть со свечой до утра, поэтому он завернулся в одеяло, накрылся им с головой и через минуту уже спал.

Его разбудило ощущение приближающейся опасности, потом раздался сигнал бедствия. Вытаращив глаза, Филь сел в постели. Светлый прямоугольник окна подсказал ему, что день давно наступил, и ощущение опасности превратилось в панику. Соскочив с кровати, Филь сбил набок ведро, про которое забыл, и растянулся на мокром полу.

– Ян, Филь, вставайте! – кричали за дверью. – Обед уже на дворе!

Кровь бросилась Филью в лицо: «Естествознание!» Если они умудрились пропустить его, профессор Лонерган запрет их с учебниками в Печальный карцер, где, кроме скамьи, стола, стула и бумаги с графитом, не было ничего. Правда, там было тепло – не то что в холодном колодце.

– Ян! – взревел Филь, бросаясь к двери. – Мы опоздали!

– Как это может быть? – с трудом выговорил тот, отрывая голову от тумбочки со сгоревшей свечой. Судя по всему, он заснул посреди писанины, сидя на кровати.

Проспать утренние занятия в Алексе было трудно: Башенная площадь находилась под окнами обступивших её дормиторийев, а колокол на Сигнальной башне, которым созывали на занятия, был самым большим из висевших там двух колоколов.

Филь распахнул дверь и увидел за ней встревоженных Анну с Метой.

– Вас не было на морали и праве, – сказала Мета. – Что случилось?

– Как тут у вас... мокро, – сказала Анна, с любопытством глядя себе под ноги. – И какой свежий запах!

На полу растекались лужи в чёрных разводах от графитовой пыли. Вкусно пахло травами.

Вспомнив прошедший вечер, Филь выпалил:

– А сколько до конца обеда?

– Не успеете, – сказала Анна.

Мета неодобрительно посмотрела на пол:

– Но прибраться здесь всё-таки надо. Филь, сбегай за веником и тряпкой! Пока вы одеваетесь, мы соберём воду.

Спускаясь по лестнице в общую коллегию, Филь понял, что у него уже ничего не жжёт и не перхает. Дышалось ему легко и радостно. Соображалось, как оказалось, тоже: когда на занятиях профессор Лонерган попытался разбить предложенный Филем ответ про границы, тому не пришлось долго думать.

– Говоришь, не из чего не состоит? – ухмыльнулся профессор. – Как же это получается? Граница имеется, длина у неё есть вполне определённая, а сама она пустое место?

– В том и дело, что пустое, – ответил Филь. – Такая граница зависит от существования двух плоскостей, но не состоит из них. Стоит убрать одну плоскость – и граница исчезнет.

– Ха! – сказал профессор, что было у него проявлением похвалы. – Ладно, через этот камень ты переполз. А придумал, с помощью чего можно смотреть сквозь человека?

Филь помотал головой, и профессор улыбнулся:

– Ну что ж, совсем скоро вы об этом узнаете! Начинаем новую тему «Отражение света». А чтобы ваш интерес не прокис по дороге, – он хитро глянул на Филя, – хочу предупредить, что весной на экзаменах я буду ждать от вас подробного объяснения следующего чуда, которое вы же мне продемонстрируете. Итак, записывайте: имеются перо, свеча, стакан воды и лист пергамента. Через шесть месяцев вы должны будете зажечь мне эту свечу.

Гул голосов прокатился по лаборатории. Возгласы удивления перемежались оценками состояния ума профессора. Тот стоял, глядя на класс как ни в чём не бывало, игнорируя вызванное им возмущение.

– Извините, но мне кажется, вы не в своём уме, – высказал наконец Николас Дафти всеобщее мнение.

Профессор Лонерган поднял брови и усмехнулся.

– Да кто уже только не жевал эту банальную и многожды съеденную мысль! Начиная с профессуры в Болонье и заканчивая моей первой женой. Кстати, Дафти, а ты уже объяснил себе фокус с перевёрнутым стаканом? – интимно поинтересовался он.

Николас сник.

– Нет...

– Тогда кто из нас не в согласии со своим умом? Ты, кто не в силах найти объяснение простому явлению природы, – да, это явление природы, как и восход солнца! – или я, кто одним коротким предложением может это объяснить?

У Филя возникло острое желание проникнуть в голову профессора и немедленно узнать, что за объяснение он там прячет. С другой стороны, всё, чем дразнил их Лонерган, вело к ещё более сложным материям, поэтому Филь сомневался, что сразу бы ухватил суть ответа. Это было как распутывать узлы на канате бесконечной длины.

– Профессор, а вы не забыли добавить к списку огниво? – вежливо осведомился Ян. – Это я просто уточняю.

– Вы можете добавить его к списку, – согласился профессор с улыбкой, – только воспользоваться им я не разрешу. Надеюсь, недосказанностей не осталось?

– Нет, задача понятна, – вздохнул Ян.

Следом за ним вздохнул весь класс.

В конце занятий, принимая на проверку работы с заданиями недельной давности, профессор сказал:

– Что до огнива, то я получил требование найти ему удобную замену, поэтому приглашаю желающих присоединиться к решению этой задачи после Нового года во внеучебное время. Книжки на эту тему – вещь редкая, и в нашей библиотеке их нет, но я привезу в январе, какие найду. Ещё я обязан заметить, что эти эксперименты опасны, люди теряют в них глаза и пальцы. Не далее как в прошлом месяце император Флав именно так потерял безымянный палец, после чего секретарь Клемент и выпустил требование. Никаких оценок вы за это не получите. Как вы знаете, Лаборатория «Алекса» основана волей императора как образовательное учреждение, однако также призвана искать решения задач, которые интересны самому императору. На этом у меня всё, встретимся через два дня!

Возбуждённо обсуждая, как именно император умудрился потерять палец и почему он сам занимался таким опасным делом, класс вывалил на сумеречную улицу. Для Филя, лично знакомого с Флавом, в этом не было загадки: император страдал неистребимым любопытством ко всему, что было связано с естествознанием, и свои идеи любил проверять сам.

– Идём в трапезную или сначала занесём книги в комнату? – спросил Ян, когда они вышли из тесной библиотеки с рекомендованной литературой под мышкой. – Ну, Лонерган ставит задачи! Я, право, смущён и совершенно не представляю, с какой стороны к ней подойти.

– Разберёмся, – азартно проговорил Филь, стораая от нетерпения сунуть нос в книги: задача профессора задела его воображение.

До встречи с Лонерганом он думал, что науки – это скучное дело, но профессор не уставал показывать, как с помощью скучных материй получать простые и практичные решения.

От обилия мыслей двигаясь вприпрыжку, Филь заверил:

– Зуб даю, не пройдёт месяца, как мы это расколем! Сейчас занесём книжки, поужинаем и примемся копать.

Пересекая Башенную площадь, они столкнулись с профессором Роландом, торопящимся на ужин.

Заметив двух прогульщиков, он окликнул их:

– Эй вы, тунеядцы! Завтра вечером я жду вас обоих после занятий в моей лекционной для беседы на тему, которую вы сегодня соизволили проигнорировать. Ответите мне там на пару вопросов.

– Вот тоска, – проводив его взглядом, протянул Филь угрюмо. – Только время зря тратить! И учить придётся теперь... Слушай, а может, снова дёрнем Успокоителя? Он вроде думать помогает.

– Э-э, нет! – отмахнулся Ян. – Сам не буду и тебе не советую. Я хоть написал за два часа то, что хотел, зато спал потом все пятнадцать. И что удивительно – сидя! Ты задвинь эту гадость подальше, мы при случае сплавим её Патиосоцу пусть лучше он спит.

Оживлённо переговариваясь, они забросили книжки в дормиторий, со вкусом поужинали жареной рыбой и завалились в комнате на постелях каждый со своей книгой, обмениваясь идеями, как всё-таки натянуть нос Лонергану.

Филь то и дело прикладывался к можжевеловому квасу. Ян хрустел капустными кочерыжками, которые стянул на кухне. Филь больше говорил, а Ян, как всегда, предпочитал слушать. Только всё удивлялся, как он так крепко и быстро заснул, будто свечу задули.

6

*Когда меня спрашивают, как мы жили в Алексее, я всегда отвечаю:
«Будто в небесах над нами горели слова: "Боги наблюдают за тобой.
Живи так, чтобы им было интересно!.. "»*

Габриэль Фе, «Детские воспоминания». Из архива семьи Фе

Следуя совету ректора, Филь старательно избегал конюшни, но на исходе второй недели после езды в корыте он всё же столкнулся нос к носу с Якобом.

Возвращаясь в дормиторий, Филь крутил головой по сторонам, надеясь найти себе занятие. Настроение у него было неважное: он замёрз на тренировке в Юку с полумёртвым от холода растением, и это была последняя игра на ближайшие полгода. Речка у холма уже встала, но лёд на ней был ещё непрочен. Впереди маячили полтора дня выходных, а делать, кроме уроков, было нечего.

Якоб, видимо, тоже был не в духе. В овчинном тулупе, из рукавов которого выглядывали его здоровенные красные кулаки, он угрюмо шагал к Филью через Башенную площадь. Филь подобрался, настраиваясь на худшее: для Якоба, выросшего в деревне, кулачная драка была обычным развлечением.

– Слышь ты, – окликнул его конюх. – Мне надо с тобой посоветоваться!

Настороженный Филь остановился. Якоб вблизи выглядел скорее удручённым, чем угрюмым.

– Малыш заболел, однако, – вздохнул конюх, – ничо не жрёт и дерётся. А сегодня за плечо укусил! Ты его головой ни обо чо не треснул, ну... когда ты носился в корыте?

– Он не Малыш, он – Ветер, – возразил Филь, сообразив, о ком идёт речь. – Я дал ему другое имя.

Якоб рассеянно согласился:

– Ну дал и дал, он молодой, привыкнет. Ты лучше скажи, чо ты с ним делал? Пожалиться он, сам понимаешь, не может.

– Ничего не делал, – заверил Филь. – Съездил до поля и обратно. Он ещё доволен был так, что аж приплясывал от удовольствия.

Конюх совсем повесил нос.

– Тогда я ничо не понимаю, – пробормотал он. – И чо мне делать теперь с этой животинной? Был хороший жеребец и вдруг оскотинился, в оглобли лезть не хочет!

Филь переспросил:

– А ты хочешь его в оглобли? Туда он, конечно, не полезет, ему там скучно. Лучше сядь на него и покатайся. Он так тебя покатает – еле живой вернёшься.

– Некогда мне кататься, – вздохнул Якоб. – Хочешь кататься – катайся сам, только шоб потом он залез у меня в оглобли.

– Я не умею править конём, – сказал Филь.

– Ну а я не учитель. Попроси кого-нить из своих друзей, пусть научат!

Раздумывая, кого бы попросить об этом, Филь зарулил в полупустую трапезную. Ян сидел на своём месте и ел, как всегда, неспешно. Селёдочный салат он намазал на ломоть хлеба, который порезал на квадратики, и вилок отправлял их в рот один за другим. Телячий пирог он тоже порезал на квадратики. Филь с ума бы сошёл так есть, у него не хватило бы никакого терпения. Ян же ел так, словно срок его жизни составлял по меньшей мере две тысячи лет.

Не поворачивая головы, Ян спросил, принимаясь за пирог:

– Наигрался?

По интонации было понятно, что он знает о неудаче с Юкой. В такие моменты Филью всегда хотелось треснуть его по шее. Рассмотрев так и сяк эту славную мысль, он отказался от неё, припомнив их вторую встречу, на которой Ян лихо гарцевал перед ним на коне. Филь взял ломоть хлеба и навалил на него побольше салата.

– Наигрался. А ты придумал, чем мы займёмся после обеда?

Неторопливо поглощая квадратики пирога, Ян ответил:

– Мне незачем придумывать, у тебя это получается лучше, так что я решил дождаться твоего возвращения. Что с Юкой у вас не выйдет, я знал, когда ты ещё собирался на поле.

Филь впился зубами в ломоть. Он прикидывал, что Ян потребует за услугу, ведь немного интереса в том, чтобы делать то, что хорошо умеешь. С другой стороны, может, Ян не умеет учить.

– Слушай, Ян, а можешь дать мне урок езды на лошади? – спросил он наконец. – Якоб сказал, что тот жеребец скучает. Мне его жалко, он ничего не видел в своей жизни, кроме конюшни. Вот я и подумал: пусть поскачет как следует, развеет скуку. Якоб согласен!

– На лошади? Когда, сегодня?

– Угу, – промычал Филь, жуя.

Ян скрестил на тарелке нож с вилкой.

– Отлично, и когда же мы отправляемся?

– Сейчас, конечно!

Ян обдумал предложение.

– Хорошо, но тогда ты должен мне сочинение для Схизматика в том стиле, в котором себе писал. Я хочу проверить, не изменяет ли профессору чувство юмора после того, как я спёр его Успокоитель. Тема: «Бельмо на глазу».

– Ерундовое дело, – обрадовался Филь. – По рукам!

Ян в ответ сладко потянулся:

– Что ж, ты освободил мне пару часов, можем и покататься!

Одевшись потеплей, они направились к конюшне.

– А учить тебя как, – поинтересовался Ян, – быстро или как я учил Анну, чтобы она не превратила мою жизнь в ад?

– Быстро, – ответил Филь, хотя его сердце куснул червячок сомнения: если Ян опасался обозлить Анну, «быстро» сулило мало приятного.

– Ну, тогда чур не обижаться!

Увидев Филья, жеребец возбуждённо зафыркал. А заметив, что его уводят от конюшни и что поблизости нет телеги, он радостно заржал. Гарцуя с приплясом, он сбил с ног выводившего его Якоба, и тот сел в наметённый накануне снег.

– А ну, не балуй, а то рассержусь! – пригрозил конюх, вставая, и протянул Филью поводья. – Совсем сдурел!

Денёк выдался на славу. Над усыпанной снегом Алексой тянулись к небу струи печного дыма. Сияло солнце, воздух звенел от лёгкого морозца. И только злобное шипение кошек портило идиллию.

– Стой, куда прёшься? – Якоб оттеснил Яна от ворот. – Эти животные тебя загрызут, я сам!

– Хлыст захвати подлиннее, – сказал тот ему вдогонку. Если жеребец был молод, лошадь для Яна оказалась стара. Она еле переступала копытами, но другого от Якоба было трудно ожидать: ещё двух коней, бывших в его распоряжении, он пуще глаза берёт для повседневной работы.

– Как зовут эту рухлядь? – спросил Ян, с жалостью глядя на клячу.

– Молния, – буркнул Якоб, помогая его другу взобраться на спину жеребца.

Неудобная лошадиная спина под Филем шевелилась непредсказуемым образом. На конце длинной шеи торчали лошадиные уши, которые тоже шевелились. На жеребце не было места, за которое можно было бы ухватиться и оно бы не двигалось. А когда Ян потянул его за поводья, которые отдал ему Якоб, Филь проклял тот час, когда решил научиться ездить на лошади. Как люди получают от этого удовольствие, он отказывался понимать.

Они как-то очень быстро оказались на игровом поле, где Ян, к ужасу Филья, бесстрашно вручил ему поводья, объяснил, что с ними надо делать, а потом приступил к обучению. Зажав хлыст в руке, он принялся описывать на кляче круги вокруг жеребца, понукая Филья начать самостоятельное движение. Тот застыл как истукан, с трудом удерживая равновесие, а жеребец крутился под ним на месте, не сводя глаз с грозного хлыста. Было заметно, что конь всей душой противится идее оказаться к нему задом.

Ян не замолкал с начала гадкой карусели:

– Ноги! Руки! Пятку на место! Куда наклонился? Корпус поправь! Пятку! Руки! Повод подбери!

И так неустанно, привлекая внимание к названным частям тела короткими ударами хлыста. Филью было не до овладения управлением, он был занят приданием себе правильной позы, только бы его друг наконец умолк и прекратил размахивать хлыстом.

– Ногу от колена назад, пятку вниз, вперёд не вались! Пытайся делать всё одновременно, Филь пыхтел не хуже старой клячи.

– Поворот направо – правый повод, левый шенкель!

Жеребец вдруг послушался и в самом деле повернул направо. Филь так удивился этому что против воли пришпорил коня, послав его вперёд по прямой.

– Не позволяй ему думать! – крикнул Ян следом. – Направляй, а то потом не исправишь, он станет чихать на тебя!

Следуя совету, Филь завернул жеребца налево, потом направо, начиная потихоньку радоваться, какая славная под ним лошадь. И тут он неожиданно ощутил сладкое чувство нарождающегося полёта.

Его тело оторвалось от лошадиной спины, а ноги, как крылья сказочной птицы, повлекли его вверх. Руки, крепко сжимавшие повод, коснулись разгорячённой шеи коня. Перед лицом Филья оказались выразительные глаза, излучающие ехидство. Благородный лоб животного проплыл под ним внизу, и тут наездник сообразил, кто отправил его в полёт.

Удивительно, но Филь приземлился на ноги. Жеребец, казалось, ошалел от этого, его взгляд из ехидного сделался безумным. Едва Филь снова уселся на него, он повторил манёвр, и его наезднику пришлось выполнить повторное спешивание, не столь удачное. Отплёвываясь от набившегося в рот снега, уязвлённый Филь смерил сердитым взглядом жеребца. Тот, казалось, откровенно смеялся. Ян неподалёку тоже давился от хохота.

– Он, по-моему, необъезженный! – выдавил Ян сквозь смех. – Якоб подсунил нам необъезженного жеребца! Поехали назад, пока он шею тебе не сломал!

– Ну уж дудки, – пробормотал Филь и мрачно полез на коня.

Он решил, что больше с него не сойдёт, пусть тот хоть выпрыгнет из кожи. Сжав зубы так, что на скулах проступили желваки, Филь дал жеребцу хорошего шенкеля. Жесткая спина под ним стала гиком мачты шхуны, угодившей в жестокий шторм. Его выпороли тогда за эту забаву, ведь он мог улететь за борт, зато те навыки должны были сейчас пригодиться. За мокрый гик бессмысленно хвататься, оставалось надеяться на крепость ног и равновесие.

Вскоре голова Филья была готова оторваться от постоянных рывков, а с жеребца на истоптанный грязный снег повалили хлопья пены. Вредная коняка то закидывала зад, то шарахалась в сторону, то вставала на дыбы. Потом жеребец остановился и в последний раз сверкнул глазами на всадника. Он сдался.

– Кажется, он догадался, что ему не тягаться с тобой в упрямстве, – сказал Ян, ухмыляясь. – Теперь попробуй проехать на нём, куда тебе надо.

Филь попробовал, и конь послушно повернул к Алексе. Затем он взял правее, в обход холма, направляясь к деревне за рекой. Измотанный Филь сделал вид, что туда ему и надо.

Труся с Яном по дороге, пробитой в снегу санями Якоба, который мотался на них в деревеньку, Филь пытался понять, нравится ему кататься верхом или это всё-таки на редкость полумное развлечение. Жеребец отбил ему своей спиной зад, его ноги были как каменные, плечи отяжелели, а голова гудела. И всё же у Филья дух захватывало от того, как умела ускоряться эта упрямая скотина, – не сравнить со шлюпкой. А поворачивать она была способна на пяточке. Любая посудина, даже с мощным парусным вооружением, проигрывала ему в азарте.

Солнце клонилось к закату. Дорогу накрыла густая тень от Алексы. Мороз начинал пощипывать щёки, и мокрый от пота Филь стал замерзать. Вязанный шерстяной колпак, служивший ученикам шапкой, плохо закрывал уши, негодующие, что их подвергают таким испытаниям. Пальцы в рукавицах также закоченели. Филь попробовал опять поворотить коня, и у него снова ничего не получилось.

Дорога обогнула холм, и впереди показался мостик через речку, за которым была деревня. Жеребец прибавил ходу.

– Теперь уже не свернёшь, – заметил Ян. – Он почуял родную сторонку!

Низкие крыши числом около полусотни теснились между дальним берегом речки и опушкой леса. Единственный прямо стоящий дом находился почти сразу за мостом. Рядом возвышалась сложенная из камня ветряная мельница. Сквозь её ободранные крылья проглядывало небо. У мельницы толкался здоровенный мужик, складывая что-то в стоявшую там же телегу.

Впервые увидев деревню так близко, оба друга невольно бросили взгляд на Алексеу. Заострённые чёрные брёвна высокого забора выглядели жутко в лучах заходящего солнца. Из-за забора, как язык из пасти, выглядывала Сигнальная башня. Ходили слухи, что деревенские плохо относятся к Алексе, хотя многие из них кормились благодаря ей. Бывшая тюрьма внушала деревне ужас.

Но ужас, скорее, внушала деревня. Защищенная от ветра с одной стороны лесом, с другой – высоким холмом, она сидела в низине, и над ней стоял чад, горький и синеватый от печного дыма. В грязные сугробы вмёрз свалевшийся мусор. Ставен в большинстве домов не было, проёмы окон закрывали кое-как приколоченные доски.

– Ну и дыра, – пробормотал Ян, когда копыта лошадей простучали по брёвнам горбатого мостика. – Филь, я думаю, нам надо убираться отсюда! Мы ещё, чего доброго, поссоримся здесь с кем-нибудь. Обитатели таких мест не любят чужаков.

Сказанное совпадало с мнением Филья, побывавшего в своей жизни в разных странах и городах, но на мостике было негде развернуться.

– Ян, давай поменяемся у мельницы, – проговорил он с тревогой. – Ты погонишь жеребца, я – твою клячу!

Будто поняв его слова, жеребец, миновав мост, поддал ходу. Как ни тянул Филь повод, негодная животино лишь мотала головой, пробивая себе путь по чьим-то огородам.

Сломав несколько плетней, жеребец замер у длинного барака и зовуще заржал. В наступающих сумерках его зов разнёсся по всей деревне. Кляча тоже с любопытством потянулась к дверям барака и, обнюхав их, всхрапнула.

Дверь под её носом неожиданно открылась, и лошадь от испуга привстала на дыбы. Передними копытами она сбила с ног чумазого пацанёнка. Тот растянулся на спине с ведром помоев в руке. Испугавшись, не прибила ли его лошадь, Филь соскочил на землю и протянул мальчишке руку. За ним последовал Ян.

– Какого беса вы опять тут? – поинтересовался мальчишка, вставая и отказываясь от помощи.

При слове «опять» Ян с Филем удивлённо переглянулись. Однако, как оказалось, он обращался не к ним.

– Чо вас сюда носит? – Мальчишка сердито глянул на жеребца и клячу. – Нету тут больше вашей конюшни, тут давно свинарник! Чо уставились? – Последнее относилось уже к гостям. – Работать только мешаете! Сейчас хозяин придёт, он вам покажет, как шастать вокруг его строений! Он боцман, у него знаете какие кулаки?

С этими словами он подхватил ведро и смылся в сумерках. С другого конца улочки слышались тяжёлые шаги.

– Якоб? – позвал густой бас. – Сказано, не пускай сюда своих лошадей! Я не для того их продавал, чтобы они тут толкались. А вы кто такие?

Из темноты нарисовался крупный, заросший густой бородой мужик в тулупе до пят.

– Вы из Алексы? – требовательно спросил он. Получив подтверждение, он махнул рукой: – Уезжайте! Нечего вам делать здесь, сатанятам, если не хотите огрести неприятностей.

Филь с Яном поворотились к лошадям. Кажется, им в самом деле стоило уносить ноги.

– С-стой! – раздался вдруг неподалёку пьяный возглас. – Как тебя... Ты, бла-ародный!

Пошатываясь, на них из темноты вылетел другой мужик. Его ноги заплетались, он злобно размахивал кулаками.

– Госпд-дн стар-рста, держите их! Они вес-с-сь мой огород пор-рушили, еле догнал! Всю р-редисочку... вдрызг, всмять... Холил, лелеял...

Во рту пьяницы не хватало половины зубов, от него страшно разило перегаром.

– Лог, охолони, – пробасил ему бородатый, – слюни подбери и объясни толком.

Качнувшись вперёд, Лог вырвал повод из рук Филья, выпрямился и осклабился, с трудом удерживая равновесие.

– Щас расскажу... Ишь, вырядились, р-разбой... ик... ники!

Он попытался отнять поводья и у Яна, но получил от того хлыстом по руке и взвыл, пуская пузыри вялым ртом:

– А-а-а! Уби-ил! Руку потеряю, чем кор-рмиться буду? Вот погоди, щас я тебя вздую!

Качаясь, словно под его ногами была штормовая палуба, он двинулся к обидчику. Выставив хлыст перед собой, Ян процедил сквозь зубы:

– Хамьё! На дворе начало декабря, какая редиска? Ты её с бутылкой не перепутал?

Лог попытался схватить хлыст, промахнулся и растянулся на снегу. На этом его силы иссякли, и он остался лежать, тихо бормоча что-то про себя.

Ян брезгливо подался назад: от лежавшего шёл кислый, прогорклый запах. Жеребец, чей повод Лог не выпустил из рук, пнул лежавшего и дёрнул головой. Освободившись, он потрусил к дальнему концу свинарника. Лог сладко захрапел.

Из темноты вывалилась ещё одна фигура, за ней с полдюжины других. У двух виднелись в руках дубинки. Пока Филь думал, как лучше дать дёру, их уже окружили. Пополнение выглядело недружелюбно.

– Слышь, староста! – злобно сказал низенький кудлатый мужик, шагавший впереди всех. – Эти двое только что порушили мой и Лога плетни. С каких пор у нас чужаки шастают? Они оттуда, я видел!

Он мотнул головой в сторону возвышающегося над ними холма.

– Плетни поломали? – озадаченно переспросил бородатый и нахмурился на двух друзей. – Вам что, дороги мало?

Толпа угрожающе придвинулась.

– Их наказа-а-ать надо! – жутковато просипел ещё один, тоже с дубинкой и сизым лицом.

– Думают, что им, из Алексы, всё можно, – протянул третий.

«Алекса» в его устах прозвучало как грязное ругательство. Староста беспардонно забрал у Яна поводья клячи.

– Эй, ты с ними осторожней! – предупреждающе выкликнули из толпы. – Пускай лучше уматывают, пока не навели на нас порчу!

– А может, уже навели, – зловеще протянул сизолицый. – Вон Лог спит, утомившись, а он ведь никогда не падает на улице, всегда только дома.

Толпа попятилась, но затем снова придвинулась. Ян с Филем обнаружили себя прижатыми к свинарнику.

– Вот что, – сказал им староста, вталкивая их внутрь, – посидите-ка тут до утра, не замёрзнете. Отпустим, когда за вами явятся, остальное потом.

– А это уж как общество решит! – возразили ему.

Послышался звук задвигаемого засова.

Две дюжины свиней в бараке сильно портили воздух. Земляной пол ровным слоем покрывал навоз, но больше всего его было в загоне. На полу стояла масляная лампа, забытая, по видимости, давешним мальчишкой. Снаружи было слышно, как расходится толпа. Лог очнулся и заорал какую-то песню.

Прислушиваясь к удалявшимся звукам, Филь спросил:

– Думаешь, отпустят? Поскорей бы!

– Не уверен, – ответил Ян. – Насколько я знаю эту братию, они обязаны пуститься в обсуждения: оставить нас тут на всю ночь, как собирались, или всё же выместить на нас недовольство за порушенные плетни. Обсуждать что-либо у них не принято без хорошей дозы вина. А когда они достаточно наберутся, горячие головы среди них победят, и они явятся сюда намять нам бока. Мы, конечно, вступим с ними в драку, но их будет больше, и всё, конечно, закончится плохо.

Он с таким спокойствием рассуждал о драке с мужичьём, что Филь прыснул, но потом призадумался.

– Больно мрачно ты шутишь!

– Я вовсе не шучу, – возразил Ян. – Так что, дорогой друг, если хочешь сохранить зубы и бока целыми, начинай искать выход.

– А ты? – спросил Филь удивлённо.

– У тебя это получается лучше.

– Здрасьте пожалуйста! – вспыхнул Филь. – Взвалил на меня миссию по нашему спасению и отстранился? А если у меня ничего не выйдет, вдруг я не найду?

– Не смей, – невозмутимо произнёс Ян, – ты найдёшь.

Возмущённый и одновременно польщённый, Филь обежал взглядом свинарник и стукнул кулаком по плотно сколоченным доскам стены.

– Двери наверняка сторожат, а стены тут больно крепкие!

– Да, стены отпадают, – рассеянно проговорил Ян.

– Может, сделать подкоп? – предложил Филь.

– Можно подкоп, – согласился Ян и взялся за лопату, прислонённую к загону.

Филь огляделся в поисках лопаты для себя. Не обнаружив её, он поднял с пола масляную лампу и направился в тёмный конец свинарника. Ян с лопатой на плече пошёл следом.

В простенке между загонем и стеной свинарника на утоптанном слое навоза лежал деревянный круг шага в два в поперечнике. Посередине него стоял маленький бронзовый колокол с пол-локтя в высоту.

– Ой, это же рында! – воскликнул Филь, поднимая его. – Морской сигнальный колокол!

Ему стало приятно, что он обнаружил что-то хорошее из своей прошлой жизни, это был добрый знак. Под рындой в крышке обнаружилась круглая дыра. Из неё потянуло таким запахом, что глаза у друзей заслезились.

– Боже праведный, – утирая слёзы, пробормотал Ян. – Что там прячется такое вонючее? Перебивает даже вонь свинарника.

Крышка оказалась тяжёлая, и рынду с лампой пришлось поставить на пол. Объединёнными усилиями Ян с Филем оттащили деревянный круг в сторону. Под ним обнаружился глубокий, бездонный на вид, колодец. От вони, ударившей оттуда, головы друзей закружились. Лампа на полу засветилась ярче, давая зловещий синеватый оттенок.

– Это выгребная яма, – отшатываясь, сказал Филь. – Перепревший навоз – хорошее удобрение.

Ян шарахнулся от колодца, не заметив, как свалил туда рынду. Она хлюпнула где-то далеко внизу. Филью было некогда сожалеть о потере, его сильно пугала своим видом лампа, вокруг которой, казалось, плясали синеватые язычки. От греха подальше он столкнул её вслед за рындой, и тут в колодце что-то утробно хрюкнуло. Пол свинарника вздрогнул, сбивая друзей с ног.

Не в силах заставить себя ткнуться носом в то, что покрывало пол, Филь прижался к нему щекой, наблюдая, как из колодца в крышу вонзился столб голубого пламени, будто выдохнул гигантский дракон. Его выдох захватил с собой изрядный кусок крыши и исчез в небесах. А затем, хлюпая и чавкая, на них с Яном обрушилась гора дерьма.

Надсадно кашляя, друзья вскочили на ноги. Свиньи взбесились и, в один присест разрушив загон, рванулись к закрытым дверям.

– Ян, это выход! – завопил Филь, догадавшись, что сейчас произойдёт, и бросаясь на ближайшего хряка.

Спина у него была скользкая от навоза, и Филью пришлось крепко ухватиться за волосатые уши. От такого обращения хряк клацнул клыками, но извернуться в толчее ему не удалось. Руля его ушами, Филь врезал ему шенкелей, и тот взял курс на дверь. Вдавлив пятки в бока другой свиньи и так же ухватив её за уши, рядом ехал Ян.

Под напором живой свинины дверь не выдержала. Сорванная с петель, она упала плашмя наружу. В барак ворвалась струя свежего воздуха, и у свиней прибавилось сил. Визжа и хрюкая, они галопом полетели по тёмной заснеженной улице. Вслед им понеслись крики стражников, путившихся в погоню.

– Правь к мельнице! – крикнул Ян, показав на возвышающееся впереди крылатое строение. – Вдруг там открыто? Заложим дверь изнутри!

На пути им встретился пузатый крестьянин, несшийся на них с выпученными глазами. Филь едва увернулся от него, когда тот попытался схватить его за шиворот.

Свиньи свалились в двух шагах от мельницы. Юркнув туда, беглецы захлопнули за собой дверь и тут увидели, что изнутри на ней нет засова. Тогда они принялись подтаскивать к порогу мешки с мукой – и вовремя, потому что в дверь скоро заколотили. Снаружи послышалась злобная брань.

– Это мельник был пузатый! – выдохнул Филь, хватаясь с Яном за очередной мешок. – Другие пока не добежали!

Мешки весили столько, что чуть не отрывали руки. Но вот последний из них оказался уложен, и друзья без сил опустились на жернова.

Стоило отступить прямой угрозе, Филь вернулся к мысли, которая жгла его с секунды, как он прыгнул на хряка: что это было за пламя? Он слышал о «греческом огне» и один раз видел на рынке, как его испытывали, но тот огонь был жёлтый, и он скорей зажжёт бы крышу, а не вынес её вон.

Склонив голову, он думал над этим, дыша как загнанная лошадь. С его носа тёк пот, крепко отдающий навозом. Вонь была едкая, от неё хотелось поскорей избавиться, но, поразмыслив, Филь решил, что лучше он будет вонять, чем замёрзнет без робы.

В дверь заколотили с новой силой. Ян прохрипел, считая:

– Раз, два... четыре... всего восемь мешков. Слишком мало!

– Слишком много, – просипел в ответ Филь. – Нам же их оттаскивать потом, а то как мы выйдем?

– Я к тому, – выдохнул Ян, – что, если навалятся, кто-нибудь протиснется. Нам придётся держать оборону, не давая им приближаться к двери.

Снаружи опять раздались удары, затем послышалось надсадное кряхтение. Дверь прогнулась в верхней части, но не сдвинулась вниз. Перед лицом новой угрозы к Филью вернулись силы.

– Как ты собрался это повернуть? – спросил он. – Я ничего не могу придумать, кроме как вылезти на крылья и кидаться вниз мукой.

– Сейчас проверим, чем кидаться, – сказал Ян, направляясь к винтовой лестнице.

За ним последовала волна вони. Филь поморщился и тоже стал взбираться по ступеням, стараясь не думать, какой запах тянется за ним.

– Нам требуется продержаться совсем недолго, – шагая вверх, продолжал Ян. – Сейчас почти ужин. Наше отсутствие обнаружат, свяжутся с Якобом, и тот сообразит, что случилось. К тому же, обороняясь, мы покроем себя славой.

– Ага, заработаем трёпку посильней, – усмехнулся Филь. – Какой-то бессмысленный выбор, как между чулками и трусами.

– Смысл в том, – терпеливо пояснил Ян, – что я желаю оттянуть момент прямого столкновения. Эти господа внизу слишком невежественны и вонючи, на мой вкус.

Филь вдохнул очередную волну преследовавшего их запаха и согнулся от смеха на лестничных ступенях.

– От нас самих... несёт за версту! – выдавил он сквозь слёзы, так у него зачесалось в носу. – Ты ж не думаешь, что пахнешь как розовый куст?

Ян обернулся в темноте, блеснув зубами.

– Но внутри-то мы чисты как ангелы! – возмущённо проговорил он и вышел на площадку где находился примитивный редуктор мельницы.

7

Много лет спустя, оказавшись волей случая в тех местах, я наткнулся на маленький музей Алексы, в котором хранилось всё, что от неё осталось. Среди прочего я обнаружил там два колокола с Сигнальной башни, прославившие её на весь Новый Свет, и, кто бы подумал, позеленевшую от старости морскую рынду в компании с обгорелым дочерна корытом...

Янус Хозек, «Как это было», 57-е издание, Анастасийская Центральная библиотека

Через два отверстия в стенах, служивших окнами, беглецы услышали, что на улице стоит шум и гам. В мельницу тянуло факельным запахом.

«Видать, порядочная собралась там внизу толпа», – подумал Филь и выглянул наружу.

– Вон они, наверху! – раздался крик, хлёсткий звук, и в окно со свистом влетел камень.

Филь спрятался за стену, опасаясь получить в лоб из пращи. Решив проверить, что творится с противоположной стороны, он высунулся в другой проём. За ним была чёрная, кристально ясная ночь. У подножия мельницы никого не было. Толпа собралась у двери, а с этой стороны виднелись только тени людей. Судя по голосам, их было не меньше двух десятков.

Ян обошёл помещение, осторожно ступая, чтобы не навернуться в крошечной тьме. Споткнувшись обо что-то, он пошарил руками вокруг, почмокал чем-то и сказал:

– Я наткнулся на чан с колёсной мазью и доски. На ощупь увесистые, я бы не хотел получить такими по голове.

– Доски ещё рано, – возразил Филь. – Когда мы начнём кидаться, они отбегут от мельницы – и вывалить мазь на них будет сложно. Хватай чан... Ты где?

– Я здесь, шагай на голос, – сказал Ян, потянул носом и хмыкнул: – Или на запах. Только немного толку с этой мази, она почти замёрзла.

Филь разобрал в темноте фигуру друга, склонившегося над стопкой досок. Рядом виднелась невысокая полубочка. Снизу послышался тяжелый удар – видно, преследователи решили всерьёз атаковать дверь.

– Черпай мазь и кидай им на башку! – воскликнул Филь, подавая пример.

Выбрав доску покорооче, он зачерпнул ею, сколько мог, шагнул к окну и, высунув доску, перевернул её, пристукнув о камень стены. Увесистый шмат мази полетел вниз, оттуда послышалась грубая брань.

Ян повторил манёвр. Брань усилилась. Судя по крикам, второй шмат угодил кому-то по лицу.

Друзья удвоили натиск, подбадривая друг друга. Едва бочка опустела, Ян высунулся наружу.

– Враги рассеялись, – доложил он. – Стена и крыльцо заляпаны мазью. А хорошо мы постарались, результат налицо!

По стенам мельницы защёлкали камни. Филь оттащил друга от окна.

– Ты двинулся, не видишь, что по нам пуляют?

Один из камней влетел наконец в окно.

– Вижу, – ответил Ян, – но эта деревенщина плохо стреляет и не сумеет попасть в меня.

Он опять выглянул и доложил:

– Кстати, к ним идёт подкрепление. Друг мой, не пора ли нам приняться за доски?

Дважды повторять ему не пришлось. Проследив за пущенной Филем доской, Ян лаконично заметил:

– Не достала, бери выше.

Филь нацелил очередной снаряд повыше, и ночь прорезал чей-то вопль.

– Удачно, – оценил Ян. – Ты попал одному из них по колену. Кажется, он похромал домой. Следующий вопль был громче.

– Хорошо, – похвалил Ян, – этому угодило по шее. Филь, теперь возьми правее, там идёт пьяница, из-за которого мы оказались в этой переделке, пусть он ощутит на себе десницу Алексы.

Три доски одна за другой полетели в указанном направлении. В ответ мельницу осыпал град камней.

Переждав его, Ян выглянул снова:

– Так, а теперь они бегут!

– Куда, прочь? – обрадовался Филь.

– Нет, к нам. Дай мне доску, я попытаюсь свалить предводителя. Ты уже не попадёшь, они слишком близко.

Он взобрался в проём, взял протянутую Фильем доску и с силой пустил её вертикально вниз. У подножия мельницы кто-то сдавленно вскрикнул.

Ян засмеялся:

– Умора, тебе стоит это видеть! Мало того, что всё крыльцо в колёсной мази, а тут ещё доски сыпятся им на головы. Короче, там сейчас куча мала!

Друзья поменялись местами, и Филь увидел, что они успели натворить. В освещённом факелами дворе, заляпанном чёрными пятнами мази и усыпанном досками, собралась, казалось, вся деревня. Половина народу стояла в стороне и глазела наверх, другая бестолково толкалась на скользком крыльце. В воздухе висели сочные проклятия.

– Ого! – поразился Филь. – Да против нас тут целая армия! Он ощутил гордость за то, что они вдвоём сдерживают осаду такого грозного противника, но долго любоваться картиной сражения ему не дали. Два мужика внизу раскрутили пращи, и Филь спрыгнул с окна, спрятавшись за стену. Камни щёлкнули в неё с наружной стороны, и Филь осенила идея. Он опять взобрался в проём и спрятался за очередной доской как за щитом.

– Ян, дай другую! – сказал он.

Без риска получить камнем в голову Филь осмелел. Стараясь выиграть время, он бросал доску, только когда возобновлялась атака на дверь. Последней он бросил ту, за которой прятался, и спрыгнул с окна.

– Всё, Ян, пошли держать дверь!

– Подожди, нам совершенно незачем спешить. Давай дождёмся, когда они сообразят, что им больше не грозит получить по голове. А пока мы высовываемся, они не могут быть в этом уверены.

Ян занял место Филья в проёме. Мимо его уха просвистел камень.

– Отменные стрелки, – засмеялся он, оборачиваясь. – Пожалуй, это будет самое безопасное место во всей мельнице!

Тут он дёрнул головой и свалился к ногам Филья.

– Довыдывался! – воскликнул тот, бросаясь к другу. Заметив, что Ян не шевелится, Филь ощутил холодок в груди. Что, если каменюка была тяжёлая? В темноте он перевернул Яна на спину, нащупал рану на его лице, почувствовал кровь на пальцах, но ничего ужасного не обнаружил, кроме рассечённой кожи.

«Значит, контузило скольльзящим ударом», – подумал он с облегчением.

Подобное случилось раз с одним из их матросов, получившим шпангоутом по лбу в крутом повороте, а через минуту он уже очнулся.

Ян тоже быстро очнулся.

– Долго я тут лежу? – первым делом поинтересовался он.

– Пару минут! – обрадованно выпалил Филь.

– А почему ты здесь? Эта деревенщина не будет ждать, они же видели, что я упал!

Утирая кровь с лица, Ян вскочил на ноги. Друзья поспешили вниз, но было поздно: дверь висела, отжатая с помощью бревна, видневшегося на пороге, усилиями всей деревни, судя по количеству голов на крыльце и внутри мельницы. Пузатый мельник сдерживал напор людей, опасаясь за свои мешки.

Филь воскликнул, не понижая голоса:

– Эх, Ян, нам крышка! Пропади всё пропадом!

Бежать было некуда, не прыгать же им с мельницы?

Но Филь из упрямства продолжал рыскать глазами в надежде увидеть то, что остальные пропустили.

– Пустяки, староста здесь, так что ещё не всё потеряно, – тихо произнёс Ян. – Он не станет ссориться с Алексой.

Заслышав их голоса, мельник плюнул охраняя свою собственность и взлетел по лестнице.

– А-а, злодеи! – взревел он, хватая Филя за шиворот. – Ну теперь вы мне за всё заплатите!

В плечи Яна вцепился здоровяк староста. Ни его, ни мельника не смутили пропитанные навозом школярские робы.

Оказавшись на крыльце, Филь едва не звезданулся, настолько скользким оно сделалось от колёсной мази. Повиснув в руках мельника, он задёргал ногами, и тот принял это за попытку к бегству. Отвесив пленнику затрепину, мельник потащил его в гущу толпы. Филь отплатил ему локтем по брюху, да так, что тот охнул и согнулся пополам. На его место сразу встали двое других, ухватив Филя за руки.

Толпа подалась в стороны, чтобы лучше рассмотреть добычу. Из её недр вынырнул сизолицый мужик, который рвался наказать друзей, когда они наткнулись на свинарник. На его лице красовались следы удара шматом мази, от которой он полностью не избавился.

– Эта сволота ещё дерётся! – рявкнул сизолицый и без замаха врезал беззащитному Филю по скуле.

От подобного вероломства кровь Филя вскипела. Зарывав от злости, он вывернулся из крестьянских рук, сиганул на обидчика, оседлал того спереди, как лошадь, свалил на землю и стал лупить его по лицу, не разбирая, куда попадает. Кулаки, затвердевшие в Хальмстеме, сделали своё дело: сизолицый отбросил его в сторону, как бешеную собаку, вскочил на ноги и дал дёру. Он едва не угодил под копыта показавшейся на улице лошади, потом благополучно исчез в темноте.

Филя снова схватили, но ему не успело перепасть, как появление незнакомого всадника отвлекло внимание толпы. Увидев, кто это, Филь сам утихомирился: перед мельницей на добром коне сидел собственной персоной ректор Алексы Като Иллуги.

В неизменном берете, натянутом на уши, и лёгком плаще не по погоде, ректор настолько не вписывался в собравшееся общество, что невольно приковывал к себе внимание. Рукой в перчатке, которая одна стояла как комплект ученической одежды, он отсалютовал остолбеневшему собранию, соскочил с коня и отвесил изящный поклон.

В толпе зашептались:

– Какой важный... Это их главный! Вроде старосты... Профессор пожаловал... Сейчас всем раздаст на орехи, и своим и чужим... Говорят, сам император его назначал!

За профессором виднелась телега, запряжённая другим конём. На телеге, нахохлившийся и настороженный, сидел Якоб. Было заметно, что его смущает прибытие сюда в компании властителя Алексы. Завидев Филя с Яном, он стал озираться, ища их лошадей.

Светски улыбаясь, профессор Иллуги осмотрел двор и подступы к мельнице, несущие на себе свидетельства осады, затем его взгляд наткнулся на друзей, чей вид доказывал, что тут главные виновники. Замерев на мгновение, ректор шагнул к старосте.

– Гестор, дорогой! – воскликнул он, пожимая лапу бородача, которую тот был вынужден отцепить от Яна. – Смею надеяться, я не слишком беспокоил вас в этот поздний час?

– Совсем нет, – угрюмо ответил староста, – вы появились весьма вовремя. Два ваших школяра учинили здесь разгром, и мы собираемся требовать справедливого суда.

Толпа одобрительно загудела. Мужичьё, державшее Филя, вытолкнуло его в центр образовавшегося круга, будто предъявляя вещественное доказательство. Староста толкнул Яна туда же. Древняя старуха на задах толпы мстительно потрясла в воздухе суковатой палкой.

– Суда? – удивился профессор и ещё раз смерил взглядом пленников. – Гестор, о чём вы говорите? Я вижу, эти двое уже в некотором роде пострадали и, думаю, получили свой урок. У одного из них разбита голова, у другого – замечательный синяк под глазом, и оба распространяют вокруг себя абсолютно непристойное амбре. Судя по всему, они уже достаточно наказаны.

– Недостаточно, – сухо возразил староста. – У свинарника снесено полкрыши, загон внутри разломан, свиньи разбежались, их надо ловить. Запас колёсной мази для мельницы оказался на её стенах, крыльце и на наших головах. Сложенные в мельнице доски для ремонта крыльев были сброшены вниз на нас же, когда мы пытались остановить бесчинства. Наконец, вот этот, – староста схватил Филя за плечо и подтащил поближе, – уже будучи схваченным, вырвался и избил одного из пастухов. Вы видели его, когда тот в страхе убежал.

На лице профессора отобразилось совершеннейшее потрясение, когда список деяний наконец исчерпался. Горестно вздохнув, он сказал:

– Я решительно приношу вам свои извинения, Гестор! Это неслыханно – творить такие безобразия. Но, простите меня за нескромный вопрос, может, их вынудили? Не сами же они... э-э... сорвались с цепи подобным образом?

– Их всего лишь заперли в свинарнике, – процедил староста.

– Ага, – сказал профессор и согласно покивал.

Филь готов был поставить сто к одному, что у ректора в голове прокрутились нужные колесики и выдали безошибочный ответ: не сбеги они из свинарника, их бы побили или заставили сидеть там до утра. И то и другое, судя по лёгкому прищурю ректора, в какой-то степени оправдывало поведение подвластных ему учеников.

– Что ж, – воскликнул профессор, – ваши претензии ясны! Могу заверить, Гестор, что ремонт свинарника будет нами оплачен, как и всё остальное ваше сегодняшнее разорение. Но, помилуйте, если вы настаиваете на суде, то там, кроме оплаты материального ущерба, вы должны будете поставить ещё и вопрос морали, вопрос чести, если угодно!

– Какой ещё вопрос чести? – прервал его староста, нахмурившись.

Склонив голову набок, профессор мягко пояснил:

– Да хотя бы этот ваш пастух, чтобы не ходить далеко за примерами... Мне неловко это говорить, но насколько он старше нашего драчуна, раза в два? А насколько тяжелее, раза в три? И кто поверит словам подобного трусишки? Гестор, я бы взял на себя смелость предложить вам не вытаскивать сегодняшний прискорбный конфликт на яркий свет. Лучше будет и для вас, и для нас, если мы замнём его прямо сейчас, особенно для вас. Ведь если эта история разлетится по свету и Империя узнает, что в местной деревне не всё хорошо с мужеством имеющегося здесь населения, то вам, как главе...

Староста потемнел лицом и воскликнул:

– Ладно, ладно, забирайте своих бандитов, но лучше им никогда здесь больше не показываться!

– Премного вам благодарен, – с готовностью ответил профессор и галантно поклонился. – Разрешено ли нам будет воспользоваться нашей общей рекой для катания на санях? Мы как раз подумываем заняться этим в следующие выходные, а то и завтра.

– Только на наш берег не вылазьте, – угрюмо кивнул староста.

– По рукам, – согласился профессор. – Жду от вас утром калькуляцию ущерба! – Он подтолкнул Филя с Яном к телеге, шепча: – Живо туда, и скажите Якобу, пусть гонит в Алексу...

Проложив для них путь сквозь немногочисленную с этой стороны толпу, профессор взял старосту под руку и пошёл с ним не спеша, словно прогуливаясь по летнему лугу.

– Ах, какое здесь чудное небо! – воскликнул он, восхищённо задрал голову. – Скажите, уважаемый Гестор, вам в вашей жизни выпадало когда-нибудь наблюдать солнечное затмение? Это совершенно потрясающе! Нам здесь предстоит увидеть одно, нескоро, правда, зато полное. Я заранее приглашаю вас, Гестор, у нас есть замечательнейший прибор для таких наблюдений, его соорудил... кто бы вы думали...

Когда Якоб развернул телегу, деревенские сообразили, что добыча уходит из рук.

– Держи их! – гаркнули разом несколько глоток, и самые шустрые успели выбежать перед телегой, пока она не разогналась.

– Ну-ка, освободите дорогу, а то вы меня знаете! – крикнул им Якоб и замахнулся на них кнутом.

Как бы ни был он мал в свои шестнадцать в сравнении с взрослым мужчиной, те ступешивались и отступили. Остальные, опасаясь обгонять профессора, бочком протискивались мимо него и старосты по обеим сторонам дороги и только потом принимались бежать. Профессор Иллуги не замечал их, продолжая вещать что-то крайне увлекательное, и с таким мечтательным выражением на лице, что казалось, ещё немного – и он примется выискивать по обочинам цветочки, дабы насладиться их запахом. Лёжа на задах телеги, уносящейся в Алексу, Филь заливисто смеялся, глядя на всё это, болтая ногами от восторга.

– Якоб, – сказал он, утерев выступившие слёзы, – а ведь мы оставили там твоих лошадей! Как же ты теперь их будешь выручать?

Якоб отозвался добродушно:

– Ничо, ничо, всё возвернём, главное, что вы сами целы. Мужики у нас дурные, с ними недалеко до беды. Не приди профессор Иллуги ко мне с рындой, я бы за вас и крайта не дал. А так я сразу узнал её, это нашего старосты рында, и сообщил, что дал вам коней и что вы, скорее всего, в деревне. Ну, тут он вскочил на коня и как заорёт: «Якоб, за мной!» – мы и поскакали.

– А почему он заторопился? – заинтересовался Ян. – Откуда ему было знать, что происходит в деревне?

Они объехали холм и выехали на игровое поле. Конюх ткнул кнутом в Сигнальную башню справа над собой:

– Так он ведь шёл на ужин, когда вдруг как ахнет, а потом выше забора, чуть не до макушки этой башни, вырос столб пламени. А следом к ногам профессора свалилась рында. Я как раз заводил коня, всё видел.

Ян повернулся к Филю:

– М-да, называется «повезло»! Не сунься ты, мой друг, в колодец...

Филь отбросил в сторону мысль о том, что бы тогда случилось, и спросил конюха:

– А этот ваш староста – бывший боцман?

– Он самый, – ответил Якоб, – и рында его, и свиарник его. И ещё целое поле за деревней, для которого он собирает навоз. А крышу он давно хотел чинить, да всё времени не находил. Только чо ж вы такое натворили там, что она улетела в самые небеса?

Ян проговорил задумчиво:

– Нам самим хотелось бы это знать.

Стук копыт догнал их в воротах Алексы. Не слезая с коня, ректор дождался, пока конюх заперёт ворота, и распорядился:

– Якоб, я бы чрезвычайно оценил, если бы ты вместо ужина отвёл этих двоих в баню и как следует их там вымыл.

– Профессор, сегодня ж учительский день! – удивился конюх.

– Я сейчас попрошу всех оттуда удалиться. В противном случае нашим спасённым придётся спать на улице, в цивильные помещения им в таком виде нельзя. В конюшню, смею предположить, ты их тоже непустишь.

Якоб обернулся на секунду.

– Не пушу! – заявил он. – А что делать с их одежей?

– Сожги её, пожалуйста, всю, какая есть. – Ректор потянул носом. – Иначе нам всем придётся бежать из Алексы. Да, и это заодно! – стянув перчатки, он бросил их Яну на колени. – Я передам мадам Багиле, чтобы она принесла ужин и свежую одежду для этих двоих.

Он ускакал вперёд, Якоб не спеша поехал за ним.

После брезгливого жеста профессора Филь утратил весёлость. Отсутствие немедленной необходимости спасти задницу вернуло его в тесные объятия ученической робы, стоявшей колом от замёрзшего навоза. Он не хотел думать, в каком виде сейчас его волосы и лицо. Шерстяной колпак, казалось, примёрз к его голове и ощущался как деревянный. Один Ян сидел как ни в чём не бывало и даже улыбался.

Подъезжая в тоскливом настроении к бане, Филь совсем похолодел от ужаса. Его надежды проскользнуть туда незамеченными развеялись как дым. Профессор Роланд, который, видимо, только разделся, как ему пришлось одеваться, решил не терять времени и выскочил из бани в дохе и онучах с одеждой под мышкой. Споткнувшись в непривычной обуви на ступенях, он выронил одежду и теперь торопливо собирал её, ругаясь на морозе. Кто-то из учеников заметил его комичную фигуру и поспешил к бане, свистнув другим. Когда телега остановилась, рядом с ней оказалось слишком много свидетелей.

– Жуки навозные! – зажав нос, завопил Лофтус-Ляпсус. – Народ, бегите сюда, тут Хозека и Фе привезли всех в дерьме!

– А им идёт, – заметил Ральф Фэйрмон, тоже отиравшийся поблизости. – Особенно Хозеку.

Красавчик Курт Норман пожирал Филя глазами, злорадно ухмыляясь. Его вид говорил, что он сгорает от любопытства узнать, что произошло.

– Якоб, – спросил он, – откуда ты привёз этих несчастных?

– Не твоего ума дело, – ответил тот и треснул кнутовищем прыгающего вокруг телеги Ляпсуса. – А ну, угомонись!

Освободив таким образом место возле телеги, конюх сказал друзьям:

– Раздевайтесь здесь до подштанников.

– О-о! – Ляпсус совсем зашёлся от счастья. – Представление продолжается, их будут пороть на улице!

Якоб погрозил ему кулаком, и тот отбежал подальше.

– Ну? – бросил конюх заробевшим друзьям. – Быстро, пока не замёрзли!

Тянуть в самом деле было нечего, народу только прибывало с каждой секундой.

– Что ж... – Ян подмигнул соратнику по несчастью. Они принялись с отвращением сдирать с себя одежду, и новая волна густого запаха окутала присутствующих. Стоявшая неподалёку белокурая красавица Хелика Локони с отвращением сморщила нос, слишком длинный, по мнению Филя, и подалась назад. Многие сделали то же самое. Взгляд Филя выхватил среди собравшихся удивлённые глаза Габриэль и прищурившуюся Анну.

Когда дело дошло до рубашки, кто-то из присутствующих в толпе девиц заметил:

– Ничего себе плечи у этого Фе!

– Да, крепкий юноша... Интересно, где он так ободрал свои кулаки?

Хелика передёрнулась и томно проговорила, особо ни к кому не обращаясь:

– Полная деревенщина на вид.

Филь не долго думал, чем ей ответить.

– А у тебя зато нос длинный!

– Ну, от меня хоть не воняет, как от выгребной ямы, – оскорблённо высказалась Хелика.
– Да, но я-то скоро буду чистый!

Габриэль расхохоталась в голос так, что стоявшие рядом с ней вздрогнули. Затем к ней присоединился Ян и его сестры. Смущённый Филь поспешил скрыться в предбаннике.

8

Дорогой Като, ты должен мне помочь, император опять заскучал...

Из личного письма секретаря Клементя, Архив Императорского Совета, файл «Алекса, год первый»

- Какой у него синяк!
- А какой шрам!
- Ой, девочки, мне этот белобрысый ужасно нравится!
- А я от Хозека без ума... Эх, был бы он попроще!

Едва Филь с Яном вошли утром в трапезную, как стало ясно, что за ночь отношение к ним круто изменилось. Был тому причиной ректор, конюх, или Габриэль с Анной и Метой успели разболтать о том, что случилось в деревне, только трапезная разом пришла в волнение, и над столами повис гул приветствий:

- Да здравствуют герои осады! Виват Хозек, виват Фе!

Возгласы раздавались отовсюду, в том числе от учительского стола. Профессор Лонерган отсалютовал им кружкой, отец Фабрициус – вилкой с колбаской, Схизматик – надкусанной булкой, а ректор просто подмигнул. Один профессор Роланд только кисло улыбнулся.

Ральф Фэйрмон первым подошёл, пожал Филью руку и, извинившись перед Яном, признал, что был вчера идиотом. За Ральфом подошли Лофтус с малиновым лицом и восторженно улыбающийся Николас Дафти. За ними кинулись все остальные, кто только мог протиснуться между столами. Поздравлениям, рукопожатиям и неистощимым шуткам и насмешкам над жителями деревни не было конца. Поднялся такой шум, что ректор Иллуги был вынужден встать и, вежливо прочистив горло, попросить дать возможность учителям закончить завтрак, а потом пускаться хоть в пляс.

– Ещё я вынужден просить героев вчерашнего происшествия зайти потом в мой кабинет, – закончил он, усаживаясь на место.

– Так, – сказал Филь, направляясь к накрытому столу, – видать, подоспела калькуляция. Ян, давай пойдём сразу после завтрака! Мне интересно, сколько они насчитали.

Иметь наличные деньги свыше двух аспров, что составляло одну пятую империала, в Алексе было запрещено. Как и получать какие-либо посылки от родных и близких. Таково было требование Детской Службы в обмен на согласие отправить в Алексу их лучших учеников, в большинстве своём сирот без гроша в кармане. И до сегодняшнего дня Филь не беспокоился о том, сколько у него с собой денег, ведь даже каретный поезд между Кейплигом и Алексой оплачивала казна. Но если цена визита в деревню составит больше, чем имелось у него с Яном, было бы неплохо, если бы Филья осенило прямо сейчас, где взять недостающую сумму.

– У нас полно времени, придумаем что-нибудь, – сказал Ян, заметив выражение глубокой задумчивости на лице друга.

Фрисл Бристо, занятый горячими булками и потому не участвовавший в славословии, сдержанно улыбнулся:

– Недурная выходка, Ян! Я не сомневался, что буду гордиться нашим родством. А ты, Фе, только перестал быть знаменитым, как опять влип. Мне приятно, что я с тобой за одним столом, но берегись: уже поползли слухи, что ты это сделал нарочно, чтобы ещё больше прославиться.

Ян скривился, словно ему попался таракан в булке.

– Фрисл, не собирай глупости, а собираешь – не распространяй! Отец говорит: это пошлый приём – давить на чувства и играть на самолюбии... Даром что сам любит пинаться.

– Кто предупреждён, тот вооружён, – хмыкнул Фристл. Их обмен репликами привёл к тому, что Филь против воли развесил уши. И, конечно, тут же услышал за спиной:

– А кто он такой?

– Не знаю. Знаю только, что он водится с Хозеками. Должно быть, важная птица!

– А я слышала, что он сирота.

– Сирота?!

Филь обернулся посмотреть, кого так удивило его сиротство, и наткнулся на широко расставленные синие-синие глаза Иолы Пелед, попавшей в Алексу из школы Детской Службы. Иола сама была сиротой, и Филь ничего не знал о ней, кроме того, что все звали её Ёлкой. Когда она улыбалась, её рот выглядел ужасно большим, однако этот недостаток исправляли появляющиеся ямочки на щеках. Ёлка зарделась и отвернулась.

– Что, вот этот курносый – хозяин Хальмстема? – раздался её недоверчивый шёпот.

Последние слова прозвучали настолько весомо, что Филь вспыхнул от гордости и пошире расправил плечи. Ян сыто откинулся от стола:

– Я поел. Идём?

Не получив ответа, он глянул на Филья, потом на секунду обернулся и с усмешкой уткнулся в свою тарелку.

– А, вот оно что... Советую сразу сказать им, что Хальмстем обошёлся тебе слишком дорого и сейчас вы живёте на пенсию твоей приёмной матери, – произнёс он тихо и ехидно. – Иначе тебе станет сложно жить, когда вокруг тебя начнут водить хороводы.

Иногда он говорил так, что Филь необычайно сильно чувствовал их разницу в возрасте. Это было как с Эшей, но если её в такие моменты он не понимал, то Яна понял, и ему почему-то стало стыдно.

– Лучше сделай как я, – продолжил Ян с той же усмешкой. – Сразу по прибытии в Алексу мои сестры распустили слух, что я помолвлен с колыбели, и тем заранее избавили меня от навязчивого общества.

Красный, не хуже Ляпсуса, Филь вскочил со скамьи:

– Идём, конечно, идём! Скорей, Ян, скорей!

Он вынесся на улицу, подальше от любопытных глаз, и только там снова ощутил себя самим собой.

У профессора Иллуги не было лаборатории, но имелся небольшой кабинет при лекционной комнате. Ранее в ней располагалась дежурная охрана, а в кабинете сидел Главный Смотритель. Филь ещё не бывал здесь и с любопытством огляделся.

Кабинет в лучах утреннего солнца сверкал чистотой. Пол, деревянные стены и даже потолок были отскоблены и отдраены до такой степени, что казалось, только что вышли из-под рубанка столяра. Пол был покрыт лаком, как и стеллаж за письменным столом, полный книг и рулонов пергамента. На одной из полок стеллажа приютилась та самая, чисто отмытая, рында.

За порогом у стены стояла тренога, сваренная из железных стержней, с висящими на ней двумя одинаковыми плащами. Под ней стояли начищенные сапоги. Их хозяин в домашних тапочках сидел за столом.

– Располагайтесь, мои дорогие, – сказал он, делая ударение на последнем слове, и указал друзьям на два табурета у стены. Затем уткнулся в измятый лист перед собой. – Боюсь, у меня для вас не самые приятные новости.

Поёрзав на табурете, Филь решил рубить с плеча:

– Сколько там?

– Тридцать два аспра, – поднимая на него печальные глаза, ответил ректор. – Тридцать два аспра, дружок.

Филь в обалдении впечатался затылком в стену и чуть не упал.

– Они хотят новый каменный свинарник? – воскликнул он с отчаянием. – За эти деньги я сам почию им крышу, ещё и заработаю триста процентов!

Не в силах стерпеть наглый грабеж, он, возмущённый, повернулся к Яну:

– Скажи что-нибудь, это же не лезет ни в какие ворота! Давай поторгуемся!

Удивлённый не меньше Филя, Ян спросил:

– Больше трёх имперIALов, как это может быть, профессор? Это очень дорого. У нас содержание Меноны обходится в эти деньги в месяц.

– Или содержание Алексы за неделю, – кивнул ему ректор. – Но торговаться мы не станем, это окончательная сумма. В неё вошёл моральный ущерб жителям, на который я был вынужден согласиться. Долг будет оплачен из фондов Алексы, которые, боюсь вас огорчить, вы должны возместить немедленно... э-э... скажем, в течение двух недель, чтобы нам было что есть и чем топить в конце декабря. И я прошу прощения, но вы также должны будете подробно описать свой вчерашний анабасис.

Он положил перед ними на стол листы бумаги и двинул вперёд чернильницу с двумя очинёнными перьями:

– Приступайте! После того как закончите, Хозек, я настоятельно советую вам посетить лабораторию профессора Фабрициуса, он пробудет там сегодня весь день. Ваш шрам выглядит не очень здорово, пусть профессор глянет на него, хорошо?

Затем ректор сделал странную вещь: откинувшись в кресле, он снял потрёпанную книгу с полки за своей спиной и сложил ноги, одетые в шерстяные носки, на стол. К удивлению Филя, Ян на это тяжело вздохнул.

Прокорпев над описанием вчерашних приключений больше часа, друзья выскочили на улицу, где всю сияло зимнее солнце.

– Идём к Схизматику? – спросил Филь. – Твоя ссадина в самом деле красная.

– Неплохо бы сначала решить нашу денежную проблему, – сказал Ян. – Профессор нам не спустит её с рук.

– А что означали его ноги на столе? – поинтересовался Филь.

– Что он совсем не рад нашей проделке в противоположность прочим и дал это понять. Вот что, Филь, я собираюсь найти моих сестёр и ограбить их поскорей, тебе советую проделать то же с Габриэль. Встретимся в дормитории!

Через полчаса Филь, запыхавшись, ворвался в комнату и увидел, что все Хозеки в сборе, а на столе поблескивают шесть серебряных монет.

– Ты нашёл Габриэль? – спросил его Ян.

Мета сказала с улыбкой:

– Давай сюда свои тоже, разоритель!

– Нет, – ответил Филь, ныряя в сундук. – Она куда-то провалилась, но я наткнулся на Палетту. Обещала передать, что я её ищу.

Он выложил монеты на стол и произнёс озадачено: – Послушайте, объясните загадку, почему я сегодня то и дело слышу за собой шёпот, что я сирота? Мне это начинает надоедать!

Мета пояснила:

– Потому что ты обеспеченный сирота.

Филь дёрнул плечом, показывая, что ничего не понял. Анна хмыкнула иронично:

– Да просто всё! Жена сироты в случае его смерти унаследует его состояние. Но тебе, Филь, это не грозит, у тебя четыре сестры, пусть названные. Так что твоя жена не получит ничего, кроме пенсии за детей.

– А если у неё не будет детей? – спросил он.

– А бездетная пойдёт гулять, свистя в кулак, что ещё ей останется? Или вернётся к кровным родственникам.

Филь вспомнил, что уже читал про это в Семейном Уложении в те дни, когда помогал Ювеналию Петра составлять купчую на Хальмстем.

– В очередной раз убеждаюсь, что здесь чокнутые семейные законы, – проговорил он поражённо.

– Это последствия нашей долгой жизни под сердцами, – отозвалась Мета.

– Не обращай внимания, Филь, и ты скоро привыкнешь, – добавила Анна. – О, а вот и твоя сестрица!

Габриэль ворвалась в комнату, будто спеша на пожар.

– Я тороплюсь, – выдохнула она. – Мне Палетта рассказала, что ты ищешь меня и тебе понадобятся деньги. Сколько тебе нужно?

Она вынула из кармана кошелек, вышитый цветочками.

– Все две монеты, – сказал Филь. – Можно?

– Конечно!

Вручив ему кошелек, она воскликнула, вылетая в двери:

– А вы зря тут сидите! Якоб приволок из деревни четверо новых саней, сейчас будем кататься с холма!

Филь, для которого это была неизвестная забава, сразу засобирился. Хозеки тоже оказались не прочь покататься. Ссыпав в цветастый кошелек всё, что было на столе, Филь сунул его в сундук, и они вчетвером выбежали в коридор. Мимо них торопливо протопал Фристл Бристо.

– Эй, Фристл, – крикнул Ян в его спину, – твои два аспра ещё целы?

– Да-а! – раздалось с лестницы.

– Отдай их мне, сочтёмся на каникулах!

– Хорошо-о!

– С чего все так торопятся? – спросила Анна недоумённо.

– Там, наверное, очередь, – сообразил Филь. – Саней всего четыре, а нас сотня человек.

Он оказался прав: с левой стороны за воротами выстроилась огромная очередь из желающих прокатиться. Над очередью стоял невообразимый гам. Четверо саней – в самый раз для двоих – замерли на краю заснеженного склона, обращенного к реке. За рекой дымила трубами деревня.

– Вот я тебя, пакостника! – раздался грозный окрик Якоба.

Курт Норман, пытавшийся пролезть вперёд, проигнорировал крик, но дорогу ему заступил профессор Роланд.

– По распоряжению ректора, – громко объявил он, – в случае скандала с очередностью все катания будут немедленно закрыты!

Дождавшись испуганной тишины, он кровожадно добавил:

– А виновников разрешено подвергать остракизму всем, кто пожелает.

– У-у-у, – повисло в морозном воздухе, – Норман, вали на место, а то натолкаем тебе ночью мочёных яблок в ботинки!

Угроза подействовала, порядок восстановился.

Заняв место в хвосте, Ян сказал, передёрнувшись от холода:

– В общем, друг мой, нам не хватает двадцать аспров. Где будем их брать? С протянутой рукой я не пойду, лучше сам полезу на ту крышу.

– Я жду, пока меня осенит, – ответил Филь. – Как осенит, скажу. А ты умеешь кататься на этих штуках?

– Умею, – подтвердил Ян. – Я предлагаю тебе сесть за мной. Пару раз съедем – научишься.

Анна сразу надула губы:

– Я с ним хотела, Ян! Давай ты будешь с Метой?

Её сестра покачала головой:

– Ты его плохому научишь, он потом станет таранить всех подряд.

– Нет ничего скучнее, чем кататься по прямой, – ухмыльнулась Анна.

Сначала Филю показалось, что скольжение по склону не требует особого умения, но только пока Ян не заложил вираж на той стороне реки – сани наклонились так, что у Филя захватило дух. Он вывалился на снег. Искрящееся облако поднялось над ним и опало. Облепленный снежной пылью, он поднялся на ноги, а раскрасневшийся Ян уже торопил его:

– Скорей наверх! До обеда успеем ещё раз три съехать!

На обратном пути мимо них, закладывая петли, просвистела Анна с Метой позади, едва не угодив в стоявшего внизу Курта, которому пришлось резво отпрыгнуть в сторону.

Съехав ещё пару раз, Ян передал управление Филю, и тот заставил их сани кувыряться в снегу, когда сделал попытку повернуть на склоне. Друзья закончили спуск, выходя как два снеговика. В конце Филь заложил довольно удачный вираж, и они остановились в белом вихре.

– Молодец! – азартно выкрикнул Ян. – Давай ещё!

В следующий раз они летели вниз, закладывая уже такие галсы, что за ними вытянулся веер из снежинок. А когда они встали, с макушки холма раздался многочисленный одобрительный свист.

Лицо Яна пылало от возбуждения. С Филя градом катил пот, настолько он был разгорячён. Увязая в снегу, друзья из последних сил забрались наверх и отправились на обед, с трудом волоча ноги.

После обеда Ян вспомнил о несделанном домашнем задании и остался в dormitorio. Филь заверил его, что ещё немножко покатается и обязательно напишет обещанный рецепт для Схизматика. За воротами его догнала Ёлка.

– Ты Филь Фе, правда? – спросила она, расплываясь в улыбке. – А меня зовут Иола, хотя лучше Ёлка. Давай вместе кататься?

– Давай! – обрадовался Филь тому, что не придётся делить сани с кем попало.

Остаток дня пролетел быстро. Перевернувшись с Ёлкой всего раз, Филь стал получать подлинное удовольствие от управления санями. Когда он склонял их вправо, то слышал за спиной «ай!». Когда влево – «ой!». Ориентируясь на громкость восклицаний, он свёл крутизну виражей к минимуму, что добавило саням в скорости. Поняв, что Анна права, итак кататься значительно интересней, он поискал её глазами, и она выставила вверх большой палец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.